

Театръ

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:

Моховая, 45.

Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печниковой.

Рукописи, доставл. безъ обознач. гопорара считаются бесплатными.

Мелкія рукописи не сохраняются.

Телефонъ ред. № 1669.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

НА ЖУРНАЛЪ

„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“.

Съ доставк. и пересылк.
на годъ 6 р., на полг. 4 р.

Отд. №24 продаются по 20 к.
Объявл.—30 к. съ стр. печ.

Искусство

1901 г. V годъ изданія.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 7 Января.

СОДЕРЖАНИЕ: Общедоступный театр. — Письмо Актера. — За кѣмъ илти? (Продолженіе). Проф. Ив. Иванова. — Театральныя забавы Императора Александра I. Ив. Иноземцева. — Хроника театрал искусства. — Венеціанскій праздникъ Поля Эзрае. — Кой про что. Ното погис. — Переписчикъ. (Продолженіе) П. П. Гиндица. — За границей: въ англійскомъ театрѣ. Ю. М—ва. — Письмо изъ Кіева Н. Николаева. — Провинціальная лѣтопись. — Объявленія.

Рисунки: Г-жа Режанъ въ роли Сильвіи. Г. Стра-

№ 2.

винскій въ разныхъ роляхъ (3 рис. артиста). «Снѣгурочка» (рис. А. Ростиславова), «Снѣгурочка». (Декоративные мотивы московской постановки — 2 рис.), К. А. Варламовъ на дачѣ, теноръ Константины (рис. А. Злотникова). Принцесса Греза (набр. О. Доброва).

Портреты: Ф. И. Стравинскаго (2 портр.) и А. Меца.

Приложеніе: «Изумительныя превращенія», ком. В. В. Билибина.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА 1901 г.

НА ЖУРНАЛЪ

„Театръ и Искусство“

(пятый годъ изданія).

52 №№ журнала (около 1000 страницъ).

20 репертуарныхъ пьесъ.

12 выпусковъ Библиотеки увеличиваемой въ объемъ и дополняемой отдѣломъ практическихъ указаній.

12 нотныхъ приложеній.

2—3 выпуска „Словаря сценическихъ дѣятелей“.

6 р. на годъ, 4 р. — полгода.

Разсрочка допускается на прежнихъ основаніяхъ, по 2 р. въ три срока: при подпискѣ, 1 Марта и 1 Іюня.

Въ 1901 г. будутъ между прочимъ, даны подписчикамъ пьесы: „Потемки души“, („Исторія болѣзни Пытцова“), В. Трахтенберга, „Пережитое“ І. Радзивиловича, „Дымъ отечества“ В. Кожевникова (всѣ премірованы на конкурсѣ Лит.-Худож. Общества); новыя пьесы Вл. Ив. Немировича-Данченко и И. Н. Потапенко, заканчиваемыя авторами, новая пьеса Гауитмана, „Изумительныя превращенія“ В. В. Билибина „Зимній вечеръ“ И. Яковлева, „Антрактъ“ О. Дымова и др.

С.-Петербургъ, 7 Января.

Сезонъ на исходѣ. Разсматривая его съ точки зрѣнія матеріальныхъ результатовъ, должно признать, что онъ былъ очень неудаченъ. Причина—несомнѣнно, общее экономическое положеніе, крайне угнетенное, и въ первую голову, разумѣется, отзывающееся на «предметъ роскоши», по номенклатурѣ политико-экономовъ, каковымъ является искусство, и въ частности, театр. Но экономическое состояніе не есть результатъ одного года, и не однимъ годомъ ограничиваются его послѣдствія. Очевидно, предъ нами хроническое, естественно-историческое, такъ сказать, явленіе, которое необходимо понять, и къ которому слѣдуетъ приспособиться театральной жизни. Это—перемѣщеніе центра тяжести театральной публики въ «третье сословіе», если можно выразиться. Въ жизни театра наступилъ тотъ моментъ, про который можно сказать словами аббата Сизайса, раздавши-мися въ 1789 г. въ Національномъ Собраніи: «que se que c'est le tiers état? Rien! Que se qu'il doit être? Tout!» Третье сословіе было ничѣмъ для нашихъ театральныхъ предпринимателей. Оно должно стать всѣмъ. Своевременно оцѣнить моментъ этого историко-экономическаго поворота—значитъ, поставить театр въ правильныя экономическія условія. Упорствовать въ заблужденіи, основывая расчеты театрального дѣла на какой-то нищей «интеллигенціи» и оскудѣвшихъ барахъ—значитъ, готовить крахъ за крахомъ, разочарованіе за разочарованіемъ.

Общедоступные спектакли, устраиваемые почти повсемѣстно и всюду имѣющіе огромный успѣхъ,—явно показываютъ, куда должно клониться театральное дѣло. Классическій или, по возможности,

яркій художественный репертуаръ и пониженныя цѣны—залогъ несомнѣннаго успѣха. Присматриваясь къ цифрамъ сборовъ въ разныхъ театрахъ, приходишь къ заключенію, что только слѣпая рутина мѣшаетъ ясно и безповоротно поставить дѣло на новыхъ началахъ. Сначала давали по одному общедоступному спектаклю въ недѣлю; потомъ стали давать по два. Обыкновенно эти спектакли даютъ полные сборы, причемъ раздѣнка мѣста, въ среднемъ, такова, что тысячный сборъ по обыкновеннымъ цѣнамъ превращается въ 400 рублевый, по цѣнамъ общедоступнымъ. Взявъ 800 р. за два спектакля, да еще прихвативъ воскресный или праздничный сборъ, антрепренеръ всю недѣлю даетъ по «нормальнымъ» цѣнамъ спектакли въ «ненормально» пустомъ залѣ, при сборахъ въ 80, 100, 150 руб. Выходитъ, что тощія коровы общедоступныхъ спектаклей пожрали тучныхъ коровъ обыкновенныхъ спектаклей, или, если угодно, наоборотъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ, напримѣръ, въ Самарѣ, публика молчаливо, такъ сказать, борется за общедоступность, упорно отказываясь посѣщать иные спектакли, кромѣ общедоступныхъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ будущемъ сезонѣ появятся уже три общедоступныхъ спектакля, причемъ, по прежнему, тучныя коровы будутъ пожирать тощихъ, или, наоборотъ въ лучшемъ случаѣ сводя итоги сезона къ нулю.

Рѣшительному повороту въ сторону общедоступности мѣшаетъ нѣсколько обстоятельствъ. Во первыхъ, сравнительно незначительные размѣры театральнаго помѣщенія, которыя огннѣ должно строить, разсчитывая на «третье сословіе», болѣе многочисленное; во-вторыхъ, взгляды большинства управъ и думъ на театры, какъ на арендную статью,—взглядъ, ошибочный не только съ точки зрѣнія покровительству искусству, но и съ практической стороны. Ибо изъ ничего ничего не выйдетъ, и убыточный сезонъ антрепренера ведетъ къ обезцѣненію театра въ будущемъ. Не говоримъ уже о томъ, что большое количество посѣтителей увеличиваетъ доходность въшалки, буфета и др. статей, т. е. пополняетъ убыль въ арендной платѣ за театр. Въ третьихъ, упомянемъ о системѣ взиманія авторскаго гонорара не съ суммы сбора и не по раздѣлкѣ мѣстъ, а по вмѣстимости театра и пр. Со всѣми этими обстоятельствами нужно поладить, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Антреприза, упорствуя въ прежнихъ формахъ, ведетъ опасную игру. Небывалый успѣхъ общедоступныхъ спектаклей, устраиваемыхъ любителями во многихъ городахъ, и составляющихъ серьезнѣйшую конкуренцію театральнымъ предпріятіямъ, доказываетъ, что общедоступность привлекаетъ болѣе, нежели превосходство исполненія. Народился другой зритель, для котораго новы «всѣ впечатлѣнія бытія»; и который можетъ возродить былую слѣпую страсть, бывшее слѣпое обожаніе театра, если пойти къ нему навстрѣчу и воспитать его. Вчера онъ еще былъ ничѣмъ. Сегодня онъ долженъ стать всѣмъ для театра.

Вотъ горячее письмо изъ провинціи, которому, не смотря на страстность тона и нѣкоторый юный задоръ, мы находимъ полезнымъ дать мѣсто въ виду приближенія второго Съѣзда сценическихъ дѣятелей.

Пусть современный театръ—храмъ Мельпомены! Назовемъ его даже, не смотря на нынѣшній репертуаръ и оскудѣніе драматической литературы, на фальсификацію истиннаго вдохновенія и полное

вырожденіе Несчастливцевыхъ, не смотря на все это дорогое минувшее прошлое,—назовемъ нашъ русскій современный театръ даже храмомъ искусства... Гдѣ жрецы его? Многихъ-ли изъ современныхъ артистовъ признаемъ мы достойными «жрецами»? Всѣли они чистыми являются въ храмъ, понимая ту высокую миссію, ту отвѣтственную роль, которую они призваны играть предъ тысячной аудиторіей?

Вотъ его, провинціального актера (о столичныхъ пусть болѣе компетентные пишутъ) несложная духовная жизнь, до и послѣ спектакля.

Днемъ репетиція и перечитываніе рецензій, хотя увѣряетъ (онъ и этимъ бравируетъ), что онъ «никогда не читаетъ газетъ», — но что-же онъ тогда читаетъ, роль? Положимъ... До спектакля спитъ, а вечеромъ, за кулисами «творитъ» и уславливается съ суфлеромъ, а на сценѣ «воплощаетъ». Послѣ-же спектакля «жрецъ» празднуетъ настоящую «оргію духа». Здѣсь въ «отдѣльномъ кабинетѣ», въ кругу услужливыхъ «друзей-пріятелей» и вожаковъ чуткой, довѣрчивой и наивной молодежи нашъ блудный сынъ Мельпомены готовитъ себѣ успѣхъ, прикидываясь «затертымъ» въ труппѣ, несчастненькимъ, забитымъ... Онъ знаетъ, на какую удочку можно поймать жалостливую молодежь.

Не полагаясь на собственные силы, не надѣясь на личное «творчество», которое само по себѣ могло-бы снискать ему успѣхъ и симпатіи публики, онъ пускаетъ въ ходъ всевозможные «боевые снаряды». Ему мало личнаго успѣха, надо еще оклеветать и очернить воображаемыхъ соперниковъ. Такіе «сценическіе карьеристы» — страшное зло въ жизни провинціального театра и нѣтъ такой труппы, гдѣ-бы не было такихъ двухъ-трехъ «музыкантовъ» какъ среди актеровъ, такъ и среди актрисъ.

А вотъ вамъ и иллюстраціи. Ихъ очень много, но я ограничусь тѣми, очевидцемъ которыхъ я былъ.

Мѣстная героиня, изъ «любимицъ» публики, празднуетъ свой бенефисъ; въ сопровожденіи всякой «накипи» изъ лицъ неопредѣленныхъ занятій, неистовыхъ гимназистовъ и психопатокъ, оглашавшихъ улицы криками: «браво, vivat Дузе!» героиня добралась до своей квартиры и держитъ такую (привожу почти дословно) благодарственную рѣчь: «спасибо, господа, поддержали, не забыли... тяжело мнѣ разстаться съ вами»... «Не будетъ этого! что за новости!.. знаемъ мы кто!..» «Тише, господа, тише!.. Дайте слушать!..» И ангельскимъ жалостливымъ голосочкомъ, она продолжаетъ: «люди не могутъ мнѣ простить моего успѣха... отнимаютъ роли... Я, дорогіе мои, не создана для интригъ да и... стара»... (слѣдуетъ очаровательная улыбка). «Красота и талантъ не знаютъ старости!» пискливо увѣряютъ психопатки. И затѣмъ слѣдуетъ мечь: новой исполнительницѣ устраиваютъ «пріемъ»... Чѣмъ инымъ, вообще, объяснить неприличныя, жестокія выходки «верховъ» по отношенію къ новымъ дебитантамъ?

Еще одинъ фактъ. Извѣстнаго провинціального артиста (нынѣ Императорскаго театра) по милости «друзей-пріятелей» такъ травили въ одномъ изъ крупныхъ провинціальныхъ оперныхъ театровъ, что бѣдный артистъ (кажется, въ «Фаустѣ») долженъ былъ во 2-мъ актѣ оставить сцену вслѣдствіе шikanья и криковъ: «не надо!.. довольно!..» А столичныхъ гастролеровъ лучше принимаютъ? Выпадали такіе спектакли, когда занавѣсъ опускали не только при робкихъ апплодисментахъ, но и при мертвой тишинѣ... И играла тогда М. Г. Савина. Но изволите-ли видѣть, въ эти спектакли мѣстные «любимцы» и «любимицы», насчитывающіе въ этомъ

городѣ сотни крестниковъ и столько-же купеческихъ обѣдовъ, ужиновъ и именинъ, витають, какъ злые духи, по ложамя и партеру, не довольствуясь «домашними бесѣдами», и указываютъ театральнымъ головотяпамъ на отсутствіе какого-то «чувства», «житейской правды» и т. д. Не довольно-ли будетъ пока этихъ иллюстрацій?.. Вотъ они нынѣшніе «оргіасты сценическаго вдохновенія», ловко устраивающіе свои «дѣлишки» и ускользающіе отъ суда своихъ товарищей!

А мы еще толкуемъ о томъ, нуженъ-ли судъ чести!..

Актеръ.

За кѣмъ идти?

(Продолженіе *).

Не забывайте—Ибсенъ—норвежецъ. Въ немъ течетъ кровь „морскихъ королей“, считавшихъ недостойнымъ ночевать подъ кровлей дома и въ жару воинственнаго одушевленія вызывавшихъ на бой самихъ боговъ. Проще—это норманы, когда-то грозой пронесившіеся по всей Европѣ и всюду оставившіе слѣды своей сказочной отваги и воли — разрушать и созидать.

Ибсенъ въ молодости жилъ и дышалъ этой ослѣпительной стариной. И не только въ молодости: отголоски скандинавскихъ сагъ звучатъ рѣшительно въ каждой его драмѣ,—и непременно герой или героиня напоминаютъ намъ валькирію или викинга. Одно изъ самыхъ могучихъ сказаній Ибсенъ изложилъ въ драмѣ—„Сѣверные богатыри“: она—программа всѣхъ его пьесъ. Онъ разрѣшаютъ два вопроса, поставленныхъ въ „Комедіи любви“, юношескомъ произведеніи Ибсена.

Герой и героиня обмѣниваются задушевными душами. Она говоритъ:

— Кто теперь мужественно возстанетъ за правду? Кто рѣшится рисковать собой? Гдѣ теперь герои?

Онъ отвѣчаетъ также вопросомъ:

— А гдѣ же теперь валькиріи?

И самъ авторъ до глубокой старости ищетъ въ современномъ обществѣ викинговъ и валькирій. Его моды должны походять на этихъ именно полу-боговъ,—хотя-бы онъ назывался врачъ Штокманъ, а она — Нора Гельмеръ. Можно-ли здѣсь говорить о

какой-бы то ни было уступкѣ? Будь это мужъ, жена, дѣти, общество — все равно: войти ради нихъ въ сдѣлку съ своей совѣстью—значитъ перестать быть *человѣкомъ*. Гдѣ размахъ личности, тамъ нѣтъ ни ограниченій, ни препятствій,—еще менѣе колебаній и слабостей, какъ-бы они ни были трогательны.

Ясно, что получается при такомъ толкованіи.

Прежде всего исчезаетъ вообще драма. Разъ герой недостижимъ для отступлений и падений,—онъ перестаетъ быть *борцомъ*. Борба—это смѣна силы и слабости, поражений и побѣдъ, торжества и отчаянія. А если челоѣкъ неизмѣнно паритъ надъ всѣми препятствіями,—предъ нами не драма, а грозный гимнъ, только время отъ времени звучащій диссонансами,—но отъ начала до конца мощный и цѣльный. Мы — свидѣтели сплошнаго триумфа, когда только отдѣльные *рабскіе* крики тщетно пытаются принизить торжество. И Ибсенъ по существу не драматургъ, а лирикъ, не историкъ челоѣческой борьбы, а психологъ неотразимой личности. И весь интересъ его драмъ—въ подробномъ раскрытіи этой психологіи, также въ иллюстраціи величаваго образа *человѣка* отдѣльными эпизодами, положеніями, случайностями.

Это—одинъ результатъ.

Другой — вытекаетъ изъ него. Драмъ Ибсена рѣзко распадаются на двѣ струи—одна — критическая, другая — проповѣдническая, и обѣ разнаго достоинства. Критическая — безусловно жизненна, реальна, — она и стяжала Ибсену мировую славу не то апостола новой религіи, не то скромнаго разрушителя. Никто глубже его не видитъ массовой пошлости и глупости, никто ярче его не освѣщаетъ всяческое современное вырожденіе—умственное и нравственное и никто, наконецъ, убѣ-

дительно его не изобличаетъ новѣйшее тонко-просвѣщенное, но хищное и животное-поэтическое мѣщанство. Герою Ибсена стоитъ бросить сарказмомъ въ „противный теплый чай“, чинно роспиваемый двуногимъ звѣринцемъ, чтобы вызвать у зрителя тошное чувство предъ столпами и вѣнцами „общества“. Талантъ по истинѣ поразительный—въ своей смертоносной мѣткости и силѣ.

И естественно пораженные лавочники до глубины души возненавидѣли норвежскаго „дикаря“, бьющаго наповалъ всякаго рода пошляковъ съ биржи или изъ газеты. Но это не все,—Ибсенъ не желаетъ ограничиться одной критикой, — у него есть идеалы на

Г-жа Режанъ въ роли Сильвіи.

Новая комедія «La curieuse d'amour» А. Эрмана.

*). См. № 1.

смѣну уродливой дѣйствительности,—*моди*,—подлинные, во всемъ блескѣ человѣческаго достоинства и самоуваженія. И вотъ здѣсь-то приходится разобратся.

III.

Мы не сомнѣваемся, что викингъ и его подруга съ неудержимой стремительностью могутъ порвать съ кѣмъ угодно и съ чѣмъ угодно во имя своего героическаго я. Женщина, въ чьихъ жилахъ течетъ кровь великановъ, способна бросить дѣтей на произволъ судьбы, если этого потребуетъ ея героическая задача. Но вѣдь имѣетъ же какой-либо смыслъ многовѣковое развитіе цивилизации? Тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ, вліянія цивилизации совпадаютъ съ голосомъ природы. Чувства матери одновременно и естественны, и культурны. Нора, слѣдовательно, является и выродкомъ и преступницей,—и никакая идея не можетъ оправдать ея поступка.

Таково самое доступное и, повидимому, неопровержимое разсужденіе,—и оно побѣдоносно направлялось въ пораженныхъ салонахъ противъ поклонниковъ норвежскаго поэта.

La mère, la maternité,—ясные, привилегированные чувствительные мотивы во вкусѣ „порядочнаго француза“—*l'honnête homme*. Это—поучительное клише рядомъ съ *gloire, patrie* и за послѣднее время—*l'armée*. Когда французъ или солидная французка произносятъ эти звуки — предъ слушателемъ цѣлое уложеніе нравственности и тонкая программа политики.

Но не полагается-ли отступленій, какъ вообще, отъ всѣхъ человѣческихъ программъ? Существуетъ же въ той же Франціи очень сильная партія оппортунистовъ, умѣющихъ принципы приспособлять къ обстоятельствамъ, во славу отечества.

Такой оппортунизмъ допускается и по части „материнства“. Вы знаете, — Нора не удивила-бы ни парижскихъ дамъ, ни парижскихъ журналистовъ, еслибы ушла отъ мужа и дѣтей—подъ руку съ нимъ, „отважнымъ блондиномъ“, — этой *force majeure* въ вопросахъ семейной французской нравственности. Тогда было-бы понятно: Нора не могла бороться со своимъ сердцемъ. Чувство любви — священо, — не отдавая же его на жертву ненавистному мужу, — хотя-бы пришлось разстаться съ дѣтьми. И матери разстаются — ежедневно во французскихъ романахъ и пьесахъ,—и никому это не кажется противоестественнымъ.

А вотъ писатель вздумалъ показать женщину, покидающую семью безъ спутника—во имя своей человѣческой личности, и съ этимъ нельзя примириться! Хозяйки парижскихъ салоновъ, откуда Золя извлекъ героиню для своей *Fecondité*, вывѣшивали аннонсы съ запрещеніемъ говорить о Норѣ... Что здѣсь торжествовало — семейныя добродѣтели или нѣчто совершенно другое, требующее суда автора, написавшаго „Тартюфа?“

Нору можно сколько угодно обвинять,—но только совсѣмъ по другому нравственному кодексу и обвинителями должны быть не *эти* жены и матери. При современномъ положеніи вещей любовь принято считать своего рода женской специальностью. Для литературной героини Амуръ то же самое, что для поэта Аполлонъ: если онъ зоветъ ее къ своему жертвеннику, — она имѣетъ право „разорвать узы“, „возродиться“, переживать „вторую молодость“, — и мало-ли есть еще музыкальных наименованій, изобрѣтенныхъ художествомъ и общественнымъ мнѣніемъ

для Норъ со спутниками. Для Норы *одинокой*—одно негодованіе и презрѣніе.

Я отнюдь не имѣю въ виду вести процессъ въ пользу ибсеновской героини,—я только желаю указать на своеобразное правосудіе моралистовъ: въ одномъ случаѣ—самое большое—улика въ легкомысліи, въ эгоистическомъ увлеченіи, въ другомъ—обвиненіе въ чудовищности, въ противоестественности.

Ибсенъ, несомнѣнно, желалъ-бы другой справедливости. Онъ допускаетъ, что для женщины ея личностъ можетъ быть не менѣе дорога, чѣмъ возлюбленный, и ея человѣческое достоинство не менѣе повелительно, чѣмъ наука страсти нѣмой. Пусть это будетъ лишь безнадежная теорія,—но вопросъ стоитъ именно такъ: *женщина*, въ смыслѣ французскаго *la femme*, или—*человѣкъ*.

Можно возразить: вѣдь любовь къ дѣтямъ не только животное, но и нравственное и гражданское явленіе.

Совершенно вѣрно. Но Ибсенъ — проповѣдникъ религіи человѣческаго самоуваженія, и имѣетъ право объявить: всякая религія, пока она не общепризнанная истина, требуетъ отреченія отъ всевозможныхъ узъ и основъ стараго міра. Повелѣніе — „отвергнись себе“ означаетъ именно: „оставь все и всѣхъ, что подчиняетъ твою волю и разумъ ветхому строю жизни, стать одинокимъ среди самыхъ близкихъ по крови и ищи братьевъ и дѣтей по духу“.

Вы помните, Христосъ въ ранней молодости, еще не вступая на свой посланническій путь, обратился къ своимъ близкимъ съ вопросомъ: „зачѣмъ было вамъ искать Меня?“ Это было сказано въ минуту, когда божественнымъ отрокомъ владѣло творческое религіозное вдохновеніе,—и предъ нимъ открывалось царство новой вѣры. И позже Ему предстоялъ искусъ одиночества, когда даже преданные ученики долго не могли уразумѣть смысла Его великой задачи и когда въ виду мученической смерти Ему пришлось искать утѣшенія въ одинокой молитвѣ.

И таковъ общій культурный законъ.

Всякая новая истина будто мститъ своему творцу за будущіе лавры по смерти, терніями при жизни,—и самое страшное изъ нихъ—одиночество, непониманіе окружающими душевнѣйшихъ думъ преобразователя,—а гдѣ непониманіе—тамъ месть и ненависть.

Начего другого не желаетъ открывать и Ибсенъ. Апостольская миссія и семейное счастье — нигдѣ и никогда не могли ужиться вмѣстѣ, — и сказанія о первыхъ христіанахъ переполнены именно тѣми дѣйствіями, какія возмущаютъ насъ въ исторіи Норы. Будущіе мученики и пустытники безпрестанно бросали отцовъ, женъ, дѣтей—и оставались лицомъ къ лицу съ своимъ Богомъ. То же самое буддисты, во всемъ блескѣ восточной поэзіи, разсказываютъ о своемъ пророкѣ. И мы представимъ фактъ въ самой простой, естественной формѣ: современное общество до такой степени опошлилось и измѣлчало, такъ глубоко пропиталось мѣщанскими рабскими инстинктами, что всякому, кому дорого человѣческое достоинство, дорога *душа*, приходится воскликнуть: „царство мое не отъ міра сего!“ И Ибсенъ раньше Норы и Штокмана постарался возможно тщательнѣе изобразить *сей міръ*.

Онъ пришелъ къ рѣшительному выводу: вся современная жизнь—семейная, общественная, политическая—не что иное, какъ механическое выполненіе условныхъ формальностей. *Человѣка нѣтъ* нигдѣ: всюду *чиновники*, т. е. изобрѣтатели и исполнители извѣстныхъ обрядностей, начиная съ брака и кончая самыми повидимому, духовными призваніями, пасторскимъ и учительскимъ. Любовь и религія одинаково

утратили внутреннюю силу и, следовательно, нравственное значение.

Отчего-же это произошло?

Оттого, что современный человек на каком-бы то ни было мѣстѣ боится быть самимъ собой и покорно запутывается въ *формы*, какія находятъ готовыми. Если такъ продолжится,—наша жизнь превратится въ стоячее ржавое болото и мы привыкнемъ считать достойнѣйшими и великими людьми тѣхъ, кто обладаетъ въ высшей степени способностью приспособляться, походить на всѣхъ и мѣнѣе всего на самого себя. Въ результатѣ,—сильнымъ оригинальнымъ личностямъ придется такъ или иначе уходить изъ общества, впадать въ неизлѣчимый пессимизмъ, кончать взрывомъ отчаянія, — а хуже всего *одиночествомъ*.

Но *одиночество* не конецъ. Оно неизбежно въ данной средѣ, но затѣмъ, чтобы создалась новая. Человекъ долженъ стать одинокимъ, рассчитывая, подобно древнимъ отшельникамъ, собрать вокругъ себя „братію“ и вызвать къ жизни общество, какъ очагъ преобразованія стараго міра.

Откуда же придетъ эта братія?

Опять старый отвѣтъ: одинокій человекъ обратится къ „малымъ симъ“, т. е. къ народу. Всегда загниваетъ только такъ называемое общество, а народная масса вѣчно таитъ въ себѣ источники свѣжихъ нравственныхъ силъ. Такъ поступило и христіанство, вызывая къ бѣдникамъ и рабамъ. Тѣмъ же естественнымъ путемъ будетъ направляться всякая преобразовательная, животворящая дѣятельность. Ибсенъ убѣжденъ въ томъ,—и другого убѣжденія не можетъ быть. Вопросъ только,—*какъ* дѣйствовать на народъ? И въ рѣшеніи этого вопроса заключается развитіе ибсеновской мысли.

Ив. Ивановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Театральныя забавы императора Александра I.

Въ письмахъ Екатерины къ Гримму и въ воспоминаніяхъ воспитателя великаго князя Александра Павловича Протасова, сохранилось нѣсколько любопытныхъ рассказовъ о его сценическихъ увлеченіяхъ въ дѣтствѣ и юности. Императрица Екатерина, какъ извѣстно, сама была первой и главной воспитательницей своего внука и внимательно слѣдила за всѣмъ, что проявлялось новаго въ характерѣ Александра, такъ, что ничто отъ нея не могло укрыться. Письма императрицы Гримму переполнены подробностями о первыхъ годахъ жизни „господина Александра“, какъ называла его Императрица. Въ одномъ изъ такихъ писемъ рассказано, какъ поразилъ бабу великій князь, разыгравъ при ней сцену изъ комедіи.

Александръ Павловичъ впервые видѣлъ спектакли въ 1785 году восьми лѣтъ отъ роду. Онъ посѣщалъ Эрмитажный театръ, съ большимъ вниманіемъ слушать пѣсы, и самъ прочитывалъ или заставлялъ себя прочитывать пьесы предъ представленіемъ. Подъ вліяніемъ этихъ спектаклей онъ и самъ рѣшилъ сочинить пьесу. Объ этомъ очень подробно сообщаетъ Екатерина II.

„Господинъ Александръ сдѣлалъ себѣ изъ куска ваты круглый парикъ и пока мы съ генераломъ Салтыковымъ любовались тѣмъ, что его хорошенькое личико не только вовсе не обезображено отъ этого наряда, но еще похорошѣло, онъ сказалъ намъ: „прошу васъ меньше обращать вниманіе на мой парикъ, чѣмъ на то, что буду дѣлать“. И вотъ онъ беретъ комедію „Обманщики“, лежавшую на столѣ, и начинаетъ разыгрывать одну сцену изъ трехъ лицъ, представляя всѣхъ троихъ одинъ и давая каждому тонъ и мимику, свойственные характеру изображаемаго лица. Никогда еще Калифаксъ—Жергонъ, ни Самбливъ, ни его дворецкій не были разыграны лучше, съ большей естественностью и правдивѣе, и сверхъ того съ граціей, ко-

торую этотъ удивительный ребенокъ умѣетъ придать всему, за что ни возьмется. Мы просто глазамъ не вѣрили, видя, что онъ выдѣлывалъ, и притомъ помирили со смѣху“. Если мы вспомнимъ, какое значеніе при Екатеринѣ придавалось любительскимъ спектаклямъ*), то намъ понятнымъ станетъ, что Екатерину порадовали „дарованія, которыя выказалъ сегодня этотъ мальчуганъ“. Черезъ нѣсколько времени Екатерина возвратилась къ этому случаю, и въ одномъ изъ писемъ къ Гримму пробуетъ вывести изъ него теорію и нужно признаться, что императрица и въ этомъ отношеніи оказалась очень тонкимъ эстетикомъ: „для того, чтобы играть хорошо ту или другую роль въ комедіи, надо бы читать исторію и никогда не подражать жестамъ другихъ актеровъ; когда чувство вѣрно, мнѣ кажется и мимика вѣрна. Я въ жизни своей не видала болѣе вѣрной, болѣе естественной мимики, чѣмъ у господина Александра“.

Въ виду этого не было ничего удивительнаго, что вскорѣ Александръ Павловичъ принялся за кукольный театръ, и онъ потомъ сталъ его любимымъ занятіемъ до такой степени, что онъ устроилъ его даже послѣ женитьбы. Положимъ, его женили рано—въ 17 лѣтъ. Объ этомъ кукольномъ театрѣ подробно рассказываетъ Протасовъ: „Настала работа дѣлать маленькій театръ по старой привычкѣ, сіе вело до того, что и великую княгиню оставилъ одну. 23 марта великій князь показывалъ пѣкотораго рода представленіе куклами и машинками, а именно балетъ „Дидона“ при игрѣ на скрипкѣ г. Дидца“. На спектаклѣ присутствовала великая княгиня Елизавета Алексѣевна, великій князь Константинъ Павловичъ, графиня Шувалова и Протасовъ. Графиня Шувалова осмѣяла эту игру, а Протасовъ находитъ, что она, „не взирая на состояніе, свойственная съ его лѣтами“.

27-го февраля 1793 г., шла впервые на придворномъ театрѣ комедія Шеридана „Школа злословія“ въ русскомъ переводѣ Ивана Матвѣевича Муравьева. Этотъ Муравьевъ былъ въ то время офицеромъ лейбъ-гвардіи Намайлоскаго полка и воспитателемъ „кавалеромъ“ великаго князя Александра Павловича. Впоследствии онъ съ разрѣшенія Императора Александра, присоединилъ къ своей фамиліи Аполлонъ и былъ отцомъ извѣстныхъ декабристовъ. Во время представленія зрители пришли въ восторгъ отъ перевода и нашли его лучше французскаго, такъ какъ „онъ блестяще остроуміемъ и былъ прекрасно привороченъ къ нашимъ нравамъ и обычаямъ“.—„Александръ—говоритъ Екатерина—принималъ живое участіе въ восклицаніяхъ и одобреніи зрителей. Я думала, что онъ просто по дружбѣ къ своему кавалеру придаетъ такую цѣну аплодисментамъ. Поставили пьесу въ городѣ, но тамъ публику не такъ легко провести, какъ меня, и всѣ въ одинъ голосъ заговорили, что Александръ сдѣлалъ большую часть перевода съ англійскаго, что онъ лучше знаетъ по англійски, чѣмъ его кавалеры, и какъ бы ни скрывался, всѣ знаютъ, что лучшія остроты принадлежать ему. Слухи эти дошли до меня; я ему сказала это. Онъ сталъ отнекаться, покраснѣлъ и увѣрялъ, что онъ слышалъ отрывки въ чтеніи и можетъ быть иногда дѣлалъ свои замѣчанія, а кавалеръ могъ этимъ воспользоваться, чтобы измѣнить кое-что въ переводѣ. Видите, какъ болѣзнь прилипчивы и что значитъ дурной примѣръ“—намекъ на собственные драмы Императрицы.

Наконецъ, намъ остается сказать объ одномъ театральномъ эпизодѣ, имѣющемъ косвенное отношеніе къ великимъ князьямъ Александру и Константину Павловичамъ. Въ девятисотыхъ годахъ XVIII столѣтія изъ Франціи перешла къ намъ уродливая мода „толстые на шеѣ платки, короткія трости и низкіе башмаки, кои ежеминутно съ ногъ спадаютъ“. Къ этимъ модамъ были пристрастны и великіе князья, но такъ какъ Императрица не благоволила къ этимъ модамъ, то они носили ихъ въ тайнѣ и свѣшили передѣться, если имъ приходилось идти къ бабкѣ. И вдругъ въ апрѣлѣ 1794 г., на сценѣ Таврическаго театра ставится пьеса, осмѣивающая такихъ модниковъ. Это была комедія Копьева „Лебедянская ярмарка“. Екатерина и многіе присутствующіе были въ восторгѣ отъ комедіи и обличенія, а Императрица пожаловала автору золотую табакерку съ алмазами. Но очень не понравилась эта комедія великимъ князьямъ, и Александръ Павловичъ долго говорилъ о ней и доказывалъ, что Императрица пожаловала табакерку не за осмѣяніе моды, а въ видѣ поощренія *русскаго произведенія*.

Ив. Изюмцевъ.

*) „Театръ и Искусство“ 1900, № 49.

КЪ ЮБИЛЕЮ **Θ. И. СТРАВИНСКАГО.****Θ. И. Стравинскій въ молодости.**

ХРОНИКА

театра и искусства.

Новогоднія награды. Пожалованы ордена: св. Анны 3-й степени **Е. П. Рапофу**; Анны 2-й ст. профессору петербургской консерваторіи **Н. Θ. Соловьеву**; Анны 3-й ст. проф. петербургской консерваторіи **Ф. Влуденфельдту** и старшему преподавателю той же консерваторіи **И. Витоліу**. Станислава 2-й ст. проф. петербургской консерваторіи **Марксъ-Маркусу**. Владимира 2-й ст. **Ц. А. Кюи**.

* * *

По случаю исполнившагося недавно 25-ти-лѣтія со дня кончины **А. К. Толстого**, 20 го января 1901 года литературнымъ фондомъ устраивается спектакль, посвященный памяти покойнаго писателя. Для устройства этого спектакля министерствомъ Императорскаго Двора въ распоряженіе фонда предоставляется Александринскій театръ, а также разрѣшено артистамъ Императорскихъ театровъ принять участіе въ устраиваемомъ спектаклѣ. Къ постановкѣ предполагаются исключительно произведенія **А. К. Толстого**.

* * *

31-го декабря въ 1½ часовъ дня, послѣ молебствія и краткаго засѣданія комитета Невскаго Общества устройства народныхъ развлеченій, посвященнаго чтенію цифровыхъ отчетовъ, состоялось открытіе новаго каменнаго театра Общества, за Невскою заставою, по Шлиссельбургскому тракту, рядомъ съ Императ. фарфоровымъ заводомъ, въ паркѣ Общества. Театръ вмѣщаетъ 1600 зрителей и выстроенъ на пользу и радость фабричнаго люда, котораго въ этомъ районѣ живетъ до 100,000 человекъ. Комитетъ Общества, председателемъ котораго состоитъ **И. И. Форветтеръ**, выбралъ для заведывавія театромъ особую дирекцію, въ составъ которой, кромѣ членовъ комитета: г-жи **Никитиной**, гг. **Берсенева**, **Варгунива**, **Муринова**, **Шевалева** и **Юхневича** вошли: председатель комитета союза писателей **П. И. Вейнбергъ**, председатель Русскаго Театральнаго Общества **А. Е. Молчановъ**, заслуженная артистка Импер. театровъ **М. Г. Савина**, артистка **Л. В. Яворская** (кн. **Барятинская**), б. режиссеръ Импер. драм. труппы **Е. П. Карповъ**, артисты Александринской сцены: **П. Д. Ленскій** и **М. И. Писаревъ**, б. режиссеръ театра Невскаго Общества, с.-петербургскій агентъ-уполномоченный Театральнаго Общества **Н. Н. Окуловъ**, академикъ живописи **И. Е. Рѣпинъ**, профессоръ Спб. консерваторіи **Н. А. Римскій-Корсаковъ**, председателемъ дирекціи

избранъ **П. И. Вейнбергъ**, товарищемъ председателя — **А. М. Юхневичъ**, секретаремъ — **Н. Н. Окуловъ**; непосредственное заведываніе режиссерскою частью театра взяли на себя **Е. П. Карповъ**, **П. Д. Ленскій** и **М. И. Писаревъ**; по ихъ указаніямъ, согласно общимъ предначертаніямъ дирекціи режиссеромъ-распорядителемъ приглашенъ **Н. А. Горскій**, послѣднее время режиссировавшій спектаклями Невскаго Общества въ старомъ крошечномъ зимнемъ театрѣ и на открытой лѣтней сценѣ. Въ труппу приглашены: г-жи **Палѣй** (б. артистка театра Литер.-Худож. Общества), **Скавронская**, **Морева**, **Голицына**, **Григорьева**, **Зорина**, **Нилова**, **Долоцкая** и др., гг. **Муравьевъ**, **Аристовъ** (б. артистъ театра Литер.-Худож. Общества), **Хмѣльницкій**, **Судьбининъ**, **Агафоновъ**, **Черновъ**, **Ліановъ**, **Невѣровъ**, **Карповъ** и др. Для открытія давали „Ревизора“ **Гоголя**, въ которомъ выдѣлились гг. **Ліановъ** (**Хлестаковъ**), **Муравьевъ** (**Гордничій**), **Палѣй** (**Марья Антоновна**). Передъ поднятіемъ занавѣса былъ исполненъ народный гимнъ, а затѣмъ секретаремъ дирекціи **Н. Н. Окуловымъ** прочтено со сцены вступительное слово **П. И. Вейнберга**, и два адреса рабочихъ, покрытые сотнями подписей. Текстъ слова **П. И. Вейнберга** приводимъ ниже.

Новый театръ задуманъ былъ основателемъ Невскаго Общества, покойнымъ **Н. А. Варгунинымъ**. Первый фондъ составилъ изъ пожертвованій мѣстныхъ фабрикантовъ, затѣмъ Его Императорское Величество Государь Императоръ пожаловалъ въ 1897 г. 5000 р., а въ 1898 г., благодаря Его Высочеству принцу **А. Ц. Ольденбургскому** изъ суммъ попечительства о народной трезвости было ассигновано 60000 рублей. На средства **Θ. И. Торнтона**, владельца суконной фабрики, выстроено фойе—гимнастическій залъ театра. **М. А. Попова** дала на достройку театра на самыхъ льготныхъ условіяхъ выплаты долга 35000 р. Весь театръ на 1600 человекъ, съ обширными фойе, читальнею библіотекою и т. п. обошелся около 300,000 рублей. Освѣщается театръ электричествомъ, отопливается паромъ.

На торжествѣ открытія были д. т. с. баронъ **Остенъ-Сакенъ**, членъ совѣта м-ра финансовъ д. с. с. **Шумахеръ**, директоръ народныхъ училищъ д. с. с. **Латышевъ**, членъ совѣта м-ра народного просвѣщенія д. с. с. **Мамонтовъ**, членъ спб. уѣздной управы г. **Яковлевъ** и др.

Вступительное слово **П. И. Вейнберга** было прочтано **Н. Н. Окуловымъ**:

«Съ искреннимъ удовольствіемъ и свѣтлыми надеждами открываетъ сегодня наше Общество двери своего новаго театра;—съ удовольствіемъ потому, что расширеніе помѣщенія этого театра въ столь значительныхъ размѣрахъ предоставляет возможность пользоваться сценическими представленіями гораздо большому, сравнительно съ прежнимъ, количеству зрителей; съ свѣтлыми надеждами—потому, что это численное увеличеніе зрителей должно несомнѣнно расширить поле того благотворнаго нравственнаго воздѣйствія, которое ока-

КЪ ЮБИЛЕЮ **Θ. И. СТРАВИНСКАГО.****Θ. И. Стравинскій, съ послѣдней фотографіи.**

зываетъ на общество театр въ серьезномъ значеніи этого учрежденія. Въ настоящее время, когда высшія, духовныя потребности человѣка все больше и больше уступаютъ мѣсто чисто практическимъ, доходящимъ даже до безобразной матеріальности, интересамъ, когда стремленіе къ поддержанію и развитію тѣхъ городскихъ чувствъ, которыя одни только дѣлаютъ человѣка царемъ Божьяго созданія, живетъ только въ малой части общества, въ это время театр для огромнаго большинства служить тоже нечѣмъ инымъ, какъ однимъ изъ средствъ обыкновеннаго житейскаго развлечения. Но ничто не можетъ быть ошибочнѣе такого взгляда на театр и рѣдко кто опредѣлялъ его высокое значеніе такъ правильно, какъ сдѣлала это Императрица Екатерина Вторая, когда произнесла достопамятныя слова: «Театръ есть школа народная, я въ ней первый учитель и за нее мой отаѣтъ Богу». То, что говорилось съ высоты престола Государынею (бывшею вмѣстѣ съ тѣмъ и драматическою писательницею), высказывали и великіе писатели всѣхъ временъ и народовъ, начиная съ древней Греціи, гдѣ театръ былъ религиознымъ учрежденіемъ и гдѣ онъ достигъ высшей степени художественнаго совершенстванія, и кончая новѣйшими вѣками. Для этихъ великихъ писателей театръ былъ тоже высшею нравственною и умственною школою, живымъ и неисчерпаемымъ рудникомъ, откуда проливались въ массу свѣтъ, правда, добро, каведрою, съ которой провозглашались народу мысли и истины, просвѣщающія умъ, облагораживающія душу, дѣлающія человѣка достойнымъ своего высокаго назначенія и способнымъ выполнять его на землѣ. Одни писатели избирали для достиженія своей цѣли смѣхъ, какъ великое оружіе исправленія человѣческаго рода.

Не ядовитый смѣхъ слѣпому озлобленья,
Нѣтъ,—тотъ, въ чьей глубинѣ бѣжитъ, чиста, свѣтла,
Струя широкая любви и сожалѣнья
О братьяхъ, гибнувшихъ въ оковахъ духа зла.

Другіе влагали свои мысли въ уста трагическихъ героевъ. Третьимъ давали матеріалъ драматическія положенія обыденной жизни, создаваемые или душевными условіями, или внѣшними обстоятельствами... Но цѣль у всѣхъ была одна: умственное и нравственное облагораживанье человѣка.

Эту цѣль имѣть въ виду и Невское Общество, давшее театру одно изъ самыхъ главныхъ мѣстъ въ ряду своихъ учрежденій. Видя въ немъ также и одно изъ средствъ пріятнаго развлечения, необходимаго человѣку послѣ дневнаго физическаго труда, онъ, однако, выдвигаетъ на первый планъ высшее образовательное въ широкомъ смыслѣ этого понятія значеніе театра. И оно почтеть себя счастливымъ, если труды его на этомъ поприщѣ будутъ приносить хотя скромные плоды. Скромная жатва можетъ общими усиліями превра-

КЪ ЮБИЛЕЮ Ѳ. И. СТРАВИНСКАГО.

«Чародѣйка», дякъ Мамыровъ.

(По рисунку артиста).

тяться со временемъ въ пышный сборъ благотворныхъ растеній, и дай намъ Богъ поскорѣе дожить до этой радостной поры, до этого свѣтлаго праздника всѣхъ, кому дорого пресушьяне своей родины, непрерывное шествіе впередъ своего народа!.

* * *

30-го января въ Маріинскомъ театрѣ состоялся двадцатипятилѣтній юбилей Ѳ. И. Стравинскаго, поставившаго оперу Сѣрова «Юдифь». Юбиларъ встрѣченъ былъ рукоплесканіями всего театра. Чествованіе при открытомъ занавѣсѣ послѣдовало послѣ четвертаго дѣйствія. На сценѣ собралась вся труппа и хоръ. Юбиларъ былъ выведенъ на сцену г-жами Каменской и Славиной. Первой подошла депутація отъ артистовъ русской оперы. Л. Г. Яковлевъ отъ ихъ имени поднесъ лавровый вѣнокъ и художественную копію памятника Императрицы Екатерины Второй. За артистами слѣдовала депутація отъ хора, поднесшій серебряной вѣнокъ и адресъ въ стихахъ. Далѣе слѣдовало привѣтствіе оркестра (гг. Вальтеръ и Вольфъ-Израэль). Затѣмъ, г-жа Литвинъ поднесла юбиляру вѣнокъ, сказавъ «Юдифь—Олоферну». За г-жей Литвинъ слѣдовала балетъ (г-жа М. Петипа, гг. Аистовъ, Л. Ивановъ и др.), далѣе русская драматическая труппа (г-жи Жулева, Стрѣльская и г. Аполлонскій), затѣмъ французская драматическая труппа (г. Адриэ). Инспекторъ консерваторіи В. М. Самусъ прочелъ поздравительную телеграмму, которою былъ удостоенъ юбиляръ отъ Августѣйшаго Вице-Предсѣдателя Императорскаго русскаго музыкальнаго общества Великаго Князя Константина Константиновича. Онъ-же привѣтствовалъ Ѳ. И. отъ имени того-же общества и петербургской консерваторіи, какъ бывшаго ученика послѣдней, съ успѣхомъ кончившаго въ ней курсъ 27 лѣтъ тому назадъ.

Адресъ гласилъ слѣдующее:

«Двадцать семь лѣтъ тому назадъ с.-петербургская консерваторія выпустила васъ изъ своихъ стѣнъ, какъ одного изъ блистательнѣйшихъ учениковъ своихъ, и вотъ сегодня она вмѣстѣ со всѣмъ Императорскимъ русскимъ музыкальнымъ обществомъ горячо и радостно привѣтствуетъ васъ, какъ превосходнаго артиста, двадцать пять лѣтъ прослужившаго на Императорской оперной сценѣ, сдѣлавшагося за это время однимъ изъ лучшихъ и цѣннѣйшихъ ея украшеній, приобрѣтшаго имя, которое неизгладимо впишется на страницы исторіи музыки и которымъ вправѣ гордиться всѣ кому дорого пріивѣтаніе искусства во всѣхъ его отрасляхъ.

Природа надѣлила васъ могучимъ талантомъ, вы, съ чувствомъ истиннаго художника приняли его, какъ священный даръ и ваяли его съ благоговѣйной заботливостью, принесшею такіе роскошные и неувядаемые плоды. Вы отнесли

КЪ ЮБИЛЕЮ Ѳ. И. СТРАВИНСКАГО.

«Донъ-Жуанъ» Лепорелло.

(По рисунку артиста).

къ этой работѣ надъ своимъ врожденнымъ дарованіемъ съ необычайной серьезностью. Вы влагали весь свой умъ и всю свою душу въ каждое изъ вашихъ созданій, неуклонно стоя на высотѣ вашего прекраснаго призванія. Сегодня вы являетесь предметомъ единодушнаго чествованія всѣхъ любящихъ и почитающихъ васъ. Рѣдкое общественное явленіе сочувствія можно назвать заслуженнымъ въ такой степени, какъ то, которое выпало на вашу долю. Дай вамъ Богъ долго еще идти по вашему славному пути такъ-же, какъ вы шли до сихъ поръ, и служить свѣтлымъ образцомъ для всѣхъ молодыхъ

КЪ ЮБИЛЕЮ О. И. СТРАВИНСКАГО.

Князь Галицкій, «Князь Игорь».
(По рис. артиста).

артистовъ, блистательнымъ примѣромъ того, что могутъ сдѣлать талантъ и трудъ въ ихъ дружномъ и гармоничномъ соединеніи».

Адресъ покрытъ подписями членовъ главной дирекціи Императорскаго русскаго музыкальнаго общества, петербургскаго отдѣленія и консерваторіи и профессоровъ.

О. Ф. Направникъ поднесъ лавровый вѣнокъ отъ Л. Шестаковой (сестры М. И. Глинки). Л. Г. Яковлевъ прочиталъ адресъ отъ русскаго театральнаго общества. Общество музыкальныхъ педагоговъ и другихъ музыкальныхъ дѣятелей въ лицѣ гг. Сонки и Глясера привѣтствовало О. И. лавровымъ вѣнкомъ и прочувствованнымъ словомъ. Далѣе слѣдовалъ адресъ отъ публики, прочитанный М. Г. Савиной:

«Въ 1876 году, 18-го апрѣля, въ роли «Мефистофеля», а 26-го апрѣля въ роли «Фарлафа» вы начали свою артистическую службу на Императорской сценѣ и тогда-же сдѣлались однимъ изъ главныхъ и незамѣнимыхъ дѣятелей нашей оперной труппы.

За истекшее 25-ти-лѣтіе вы участвовали почти въ 70 самыхъ разнообразныхъ русскихъ и иностранныхъ операхъ, исполнивъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ по двѣ роли; безъ вашего участія не обходилась почти ни одна русская опера. Каждая ваша роль была изучена и обдумана до мельчайшихъ подробностей. Созданные вами типы полны жизненности и глубокаго реализма; ваше искусство всегда проявлялось въ полной силѣ, глубоко захватывая и поработая себѣ вниманіе и настроеніе слушателей. Съ одинаковымъ совершенствомъ вы давали какъ фантастическій образъ «Мефистофеля», такъ и комическія фигуры «Еремки» и «Скулы», типы царя «Иоанна Грознаго», дикаго звѣря «Олоферна», фанатично жестокаго «Графа Сень-Бри», трусливаго самохвала «Фарлафа» и т. д. Съ трудомъ вѣрится, что одно и то же лицо могло дать такое громадное разнообразіе одинаково правдивыхъ обликовъ, но вы вашимъ изумительнымъ художественнымъ чутьемъ понимали и обнимали все. Этому чудному богатому сокровищницею трагическихъ, комическихъ, историческихъ и бытовыхъ ролей вы увѣковѣчили ваше имя великаго художника-артиста.

Особенно цѣнна для публики присущая вамъ неизмѣнная артистическая скромность. Вы никогда не гастролировали, не выступали ни въ какихъ концертахъ, или вечерахъ, сопряженныхъ съ вашими личными матеріальными выгодами. Данный вамъ Богомъ талантъ не размѣнивали на металлъ звѣнящій. Вы никогда не прибѣгали къ шумнымъ кричащимъ рекаментамъ, не унижали достоинства истиннаго художника путемъ тѣхъ практическихъ, въ житейскомъ смыслѣ слова, дѣйствій, съ какими нерѣдко приходится встрѣчаться. Вашей глубокой артистической натурѣ было чуждо все то,

что заслуживаетъ въ глазахъ настоящей публики, умѣющей понять и цѣнить истиннаго художника. названія фиглярства и паясничества, рассчитанныхъ на успѣхъ толпы. Не такими временными, скоропроходящими успѣхами оцѣнивается служеніе всякаго артиста идеальнымъ цѣлямъ искусства. Создавая художественные типы вы имѣли передъ своими глазами лишь эти идеальныя цѣли, забывая о нерѣдко эфемерныхъ успѣхахъ, имѣли въ виду лишь достиженіе того художественнаго идеала, который былъ всегда неизмѣннымъ сущникомъ вашей сценической дѣятельности и составляетъ вашу главную заслугу, какъ великаго художника сцены.

Примите дорогой Федоръ Игнатьевичъ, въ этотъ знаменательный въ вашей жизни день наше сердечное, глубокое спасибо за то эстетическое наслажденіе, которое вы намъ такъ щедро и богато давали испытывать въ теченіи четверти вѣка; примите наши пожеланія силъ и здоровья на долгіе годы оставаться украшеніемъ нашей родной оперы, нашу національную гордость».

На обложкѣ адреса, поднесеннаго юбиляру отъ публики и вложеннаго въ изящный серебряный бюваръ, сдѣлана надпись: XXV. 1876—1901. Незамѣнимому художнику-артисту Императорской русской оперы О. И. Стравинскому отъ почитателей его великаго таланта.

Послѣднимъ былъ адресъ отъ студентовъ с.-петербургскаго университета. Въ числѣ подношеній были: золотой вѣнокъ (отъ публики), серебряный бюваръ, статую музы отъ друзей покойнаго сына юбиляра, программу вечера, выгравированную на серебряной доскѣ, вазу съ цвѣтами, картины и пр. Телеграммы были въ большомъ числѣ получены.

* * *

Московскія новости.

23 января состоится прощальный бенефисъ А. П. Крутиковой. Будетъ дана опера «Гугеноты» въ первоначальномъ видѣ, какъ написалъ ее Мейерберъ, именно заговоръ противъ гугенотовъ устраиваетъ не графъ Сень-де-Бри, а королева Екатерина Медичи, какъ это и произошло въ дѣйствительности. Въ роли Екатерины Медичи выступитъ заслуженная бенефициантка, исполняющая, кромѣ того, партію пажа Урбана, что довольно несообразно, по крайней мѣрѣ, со сценической точки зрѣнія. Рауля будетъ пѣть Н. Н. Фигнеръ, специально для этого прѣзжающій въ Москву.

Влижайшей новинкой Малаго театра будетъ новая комедія г. Шпажинскаго «Лучъ».

Московскія газеты сообщаютъ, что Н. Н. Синельниковъ получилъ приглашеніе занять вакантное, съ уходомъ Е. П. Карпова, мѣсто режиссера въ театрѣ литературно-художественнаго общества въ Петербургѣ. Г. Синельниковъ же отказался. Отвѣтственность за это сообщеніе оставляемъ всецѣло на московскихъ газетахъ.

21 января въ Московскомъ Художественномъ театрѣ состоится 100-е представленіе «Царя Федора Иоанновича».

23 января въ томъ же театрѣ идетъ впервые пьеса Ант. Чехова «Три сестры».

Въ Большомъ театрѣ 4-го января состоялся бенефисъ хора. Поставлена была въ первый разъ опера П. Кюи «Авгелло».

Въ Москвѣ циркулируетъ странный, но тѣмъ не менѣе упорный слухъ, что дирекція Императорскихъ театровъ рѣшила закрыть новый театръ, и передать контрактъ на 10 лѣтъ съ платою по 33 тысячи въ годъ Художественно-общественному театру, обѣщая дирекціи послѣдняго субсидію при постановкѣ новыхъ пьесъ.

* * *

5 января на Волковомъ кладбищѣ въ присутствіи всей труппы театра «Фарсъ» состоялась панихида по С. К. Ленни, по случаю полугодія со дня его кончины.

* * *

† Л. Левскій. Въ больницѣ «Всѣхъ Скорбящихъ» скончался Л. А. Левскій (Кальбъ), въ свое время довольно популярный актеръ петербургскихъ клубныхъ сценъ. Онъ обладалъ пріятной наружностью, свѣжимъ темпераментомъ, горячностью и съ успѣхомъ выступалъ въ роляхъ любовниковъ. Душевная болѣзнь рано подкосила его жизнь. Онъ былъ помѣщенъ въ больницу, поправлялся, затѣмъ снова впадалъ въ тяжелый недугъ, и скончался, промучившись около 8 лѣтъ, сравнительно еще молодымъ человекомъ.

* * *

† В. С. Калининъ. 29-го декабря скончался въ Ялтѣ отъ чахотки композиторъ Василій Сергѣевичъ Калининъ. Покойный уроженецъ Орловской губерніи, села «Воинъ». Отецъ В. С., чиновникъ, самъ страшно любилъ музыку, стремленіе къ которой пробудилось въ маленькомъ Висѣ еще до 10-лѣтняго возраста, и все дѣлалъ возможное, чтобы такая склонность не заглохла въ сынѣ. Общеобразовательное воспитаніе В. С. получилъ въ орловской семинаріи. Онъ тамъ скоро выдвинулся, какъ регентъ духовнаго училищаго хора и даже какъ композиторъ православныхъ церковныхъ пѣснопѣній. Ко времени окончанія курса въ семинаріи, В. С. рѣшилъ окон-

чательно посвятить себя музыкѣ. Осенью 1885 года, онъ вступаетъ въ музыкально-драматическое училище московскаго Филармоническаго Общества. Калининъ учится на фоготъ, чтобы имѣть право за это даромъ изучать теорію музыки; утромъ и днемъ онъ въ классахъ училища, а по вечерамъ исполняетъ за гроши роль второго фагота въ какомъ-нибудь частномъ оркестрѣ во имя насущнаго хлѣба. А легкія-то оказались недостаточно крѣпкими. Курсъ въ Филармоническомъ училищѣ онъ окончилъ блистательно въ 1891 году. Онъ пишетъ, пишетъ много, лихорадочно, нервно; — упиваясь счастьемъ, что знаетъ уже, какъ писать, какъ прикрѣпить къ нотной бумагѣ свои юношески-бодрія, свѣжія, проникнутыя русскимъ складомъ мысли. А недугъ все болѣе и болѣе овладѣвалъ организмомъ, какъ бы негодую на эту неподдающуюся бодрость духа. Сочиненій Калининкова осталось довольно. Большинство не напечатано и многое ни разу не исполнено. Обнародованы пока: романы (не всѣ), первая симфонія (вторая печатается). Одна его первая симфонія, за какіе-нибудь три-четыре года, обошла Петербургъ, Москву, Кіевъ, Казань, Нижній-Новгородъ, Харьковъ, Вѣну, Берлинъ, Парижъ и Лейпцигъ, всюду вызывая толки, удивленіе, всюду плѣняя и музыканта, и зауряднаго слушателя огромнымъ запасомъ жизненной энергіи. Но энергія таланта скоро убила его хрупкій организмъ...

* * *

Намъ пишутъ изъ Одессы. Необыкновенные свѣжные заносы отрѣзали насъ отъ міра. Пресловутая Тива ди Лоренцо должна была начать у насъ гастроль еще 27 числа, но увы, артистка просидѣла пять дней въ феноменальныхъ свѣжныхъ заносахъ, которые циклонъ надулъ на станціи „Раздѣльная“ и въ которыхъ застряло до десятка разныхъ поѣздовъ, переполненныхъ публикой, стремившейся въ Одессу на праздники. Этотъ необыкновенный случай породилъ другой необыкновенный случай. У начальника станціи устроился силами скачущей публики, съ участіемъ Тивы ди Лоренцо во главѣ, литературно-музыкальный вечеръ, и итальянская артистка, вродѣ звѣзды Севильи, озарила скромный уголокъ новороссійскаго захолустья. Правда, станціонная публика ничего не поняла изъ того, что она читала. Но много-ли понимаетъ русская публика, довѣряя рекламѣ, раздувшей это якобы „диво дивное“?

X.

* * *

Артисту московскаго Большого театра А. А. Хохлову съ мая 1900 года назначена пожизненная пенсія въ 1140 рублей.

* * *

6 января исполнилось 40-лѣтіе сценической дѣятельности артиста Н. С. Вехтера. Юбилейный спектакль состоится 7 января въ Ново-адмиралтейскомъ театрѣ. Пойдетъ «Старый баринъ» съ г. Вехтеромъ въ роли Опольева.

* * *

3-го января въ Маломъ театрѣ состоялся бенефасъ В. П. Далматова, поставившаго «Кина». Публика встрѣтила своего любимца цвѣтами и рукоплесканіями. Странно звучать монологи Кина для нашего времени. А жалобы Соломона на журналистовъ? Теперь ужъ и жаловаться перестали на этихъ господъ. Въмѣсто пятого дѣйствія «Кина» была поставлена шутка М. А. Суворина «Пятиженецъ». Пьеска заключается въ рядъ нападокъ «пятиженца» (г. Яковлевъ) на женщинъ. Впрочемъ, публика не столько смѣялась злобствованіямъ мужа, сколько потѣшалась надъ заразной веселостью одного старика, устывшаго въ переднихъ рядахъ. Напрасно уговаривала его жена успокоиться и не обращать на себя вниманія всей залы. Къ концу, однако, дѣло разъяснилось: веселый старичекъ-зритель оказался г. Михайловымъ, исполнявшимъ роль, положенную по пьесѣ. Мотивъ, хотя и заимствованный изъ «Обозрѣній», но всегда забавный.

О. Д-овъ.

* * *

Петербургскій театр. Въ среду, 3 января, въ бенефисъ В. М. Янова была поставлена сказка Фр. Гальма «Любви граница», передѣланная для русской сцены Е. А. Шабельской. Пьеса эта уже нѣсколько разъ шла на клубныхъ и загородныхъ петербургскихъ сценахъ, поэтому распространяться о ней не приходится. Скажу только, что съ внѣшней стороны пьеса обставлена очень старательно. Декорации, изъ которыхъ большинство сдѣлано за границей, прекрасны. Срепетована пьеса также очень недурно, что, разумѣется, дѣлаетъ честь новому режиссеру Петербургскаго театра — В. М. Янову, занявшему этотъ постъ послѣ неожиданно вышедшаго изъ труппы Л. Иванова. Особенно хорошо поставлены массовыя сцены. Такова, на примѣръ, первая половина третьяго акта, весь интересъ котораго сосредоточенъ на толпѣ. Посовѣтую только г. Янову обратить вниманіе на пресловутый «громъ»: въ театрѣ г-жи Шабельской онъ всегда производитъ курьезное впечатлѣніе, особенно его тихіе раскаты.

Отдѣльные исполнители, увы, по-прежнему оставляли желать многого.

За исключеніемъ г. Янова (Персиваль), хорошо читавшаго стихи, и г. Гинкулова, разговаривавшаго естественно, пожалуй, можно отмѣтить развѣ г-жу Шабельскую, какъ автора хорошаго перевода. Г-жа Красовская столь же походила на королеву, какъ г. Ронскій на короля. Это былъ почти король Бобешъ. Г. Николаевъ закатывалъ глазки, а г. Петросьянъ читаетъ стихи еще хуже, нежели прозу.

В. Л-ий.

* * *

Въ среду 3-го января, въ залѣ Павловой состоялся пятый очередной вечеръ спб. драматическаго кружка.

Драма Ф. Филиппи «Благодѣтели человечества» (переводъ П. П. Немвродова) касается очень интересной и мало разработанной въ литературѣ темы. Хорошо завязанный драматическій увелъ — столкновение двухъ убѣжденій, одинаково считающихъ себя правыми и зависимость отъ сего семейнаго счастья — главное достоинство этой, на первый взглядъ, нѣсколько прямолинейной темы. Объ этой интересной пьесѣ у насъ была уже помѣщена обстоятельная рецензія. Нужно отдать справедливость кружку: въ его репертуарѣ много добрыхъ и даже отличныхъ намѣреній. Видно, что репертуаромъ

А. И. Каширинъ.

(Къ 20-лѣтію сценической дѣятельности).

Новочеркасскому театру въ этомъ сезонѣ повезло насчитать юбилеевъ. 9 января онъ празднуетъ 20-лѣтіе артистической дѣятельности А. И. Каширина, пользующагося большою извѣстностью въ провинціи. Помѣщаемъ портретъ юбиляра, который, безъ сомнѣнія, будетъ съ удовольствіемъ встрѣченъ многочисленными провинціальными поклонниками артиста.

* * *

Новинкой театра Литературно-Художественнаго Общества является пьеса «Дмитрій Самозванецъ», идущая въ бенефисъ г. Тинскаго. Затѣмъ до конца сезона будутъ поставлены премированныя пьесы: «Пережитое» Радзивиловича и «Подъ колесомъ» Жданова.

* * *

завѣдуютъ лица образованныя и компетентныя. Жаль, что силы исполнителей слабы.

«Благодѣтели челоѣчества»,—драма, требующая особенно опытной и обдуманной игры, прошла въ общемъ тускло. Г-жа Теничъ взяла слабый, вялый тонъ, нѣсколько оживившись къ концу спектакля. Г-жа Михайлова (которую всѣ почему-то звали съ удареніемъ Паула) была обыкновеннымъ жизнерадостнымъ подросткомъ, хотя не нѣмецкимъ. Какъ всегда, приходится отмѣтить опытную и свободную игру г. Берникова (докторъ Мартіусъ). Очень серьезно и вдумчиво игралъ г. Чермновъ стараго лейбъ-медика Фортенбаха; подобныя роли ему, вообще, хорошо удаются. Наслѣдный принцъ Карлъ Викторъ въ олицетвореніи г. Мурскаго вызывалъ сильныя сомнѣнія въ законности его правъ на герцогскій престолъ. Слабоваты были г. Иртеневъ и г-жа Ильченко, болѣе пригодная для ролей Островскаго.

Милая комедія г. Берникова «Мужъ г-жи Шамбургской» была живо разыграна благодаря участію автора, гг. Ашина, Траба и г-жи Линда.

Маленькое замѣчаніе по адресу режиссера: если въ «Благодѣтеляхъ челоѣчества» Екатерина Мартіусъ и «Паула» такъ дорожатъ портретомъ своего отца, то неужели нельзя было доставить удовольствіе милымъ женщинамъ и вставить этотъ портретъ хотя въ бумажную рамку? О. Д.—овъ.

* * *

Въ четвергъ для утренняго спектакля въ Александринскомъ театрѣ поставили «Нищихъ духомъ». Если сообщить одинъ этотъ фактъ, даже не комментируя его, въ Москву, то, конечно, тамъ просто не повѣрятъ. Московскимъ театрамъ въ голову не придетъ возможность вдругъ ни съ того, ни сего на казенной сценѣ, гдѣ играютъ лучшіе артисты, возобновлять теперь «Нищихъ духомъ». Почему не «Сестру Терезу»? Почему не «Материнское благословеніе»? Какъ бы, напримѣръ, хорошъ былъ г. Давыдовъ, танцуня и припѣвая «шесть су, шесть су, шесть су, шесть су!» Да и мало ли какія есть хорошія пьесы. Напримѣръ, «Ограбленная почта»!..

Я не стану останавливаться на томъ какъ играли «Нищие духомъ». Играла одна г-жа Савина, другіе только мѣшали ей, кто больше, а кто меньше. Г-жа Савина играла прекрасно, но развѣ не обидно смотрѣть такую артистку въ пьесѣ, устарѣлости которой исполнительница не можетъ не чувствовать еще живѣе, чѣмъ мы, зрители? Развѣ не досадно при этомъ сознание, что талантъ расточается безъ всякаго плана и системы, точно даръ негодный, ненужный?

Съ этой точки зрѣнія только и можно обсуждать столь удивительный спектакль. Дальше въ смыслѣ пренебреженія къ основнымъ задачамъ театра, собственно, и идти некуда. Видимо, случай сталъ теперь играть исключительную роль.

Впрочемъ, г. Давыдовъ, который, какъ кажется, теперь ведетъ репертуаръ, возобновляя по внезапности своего режиссерства «Нищихъ духомъ», съ своей точки зрѣнія поступаетъ правильно. На «Нищихъ духомъ» онъ воспитывался, на «Двухъ сироткахъ» развивалъ режиссерскій талантъ. Онъ могъ бы поставить «Всѣ мы жаждемъ любви», ибо пѣлъ нѣкогда въ опереткѣ, и съ большимъ успѣхомъ. Но при чемъ здѣсь театръ? При чемъ во всемъ этомъ публика, которой твердятъ, что театръ, какъ все въ мірѣ, прогрессируетъ и идетъ впередъ?

Нѣтъ, повторяю, въ Москвѣ подобнаго рода спектакль ни въ какомъ случаѣ состоятся бы не могъ. Арсеній.

* * *

2 января на сценѣ Приказчиного клуба состоялся бенефисъ г. Веца, поставившаго оп. «Кармень». Бенефицианту, имѣвшему значительный успѣхъ, поднесли вѣнокъ и серебряный жбанъ. Въ роли «Кармень» выступила г-жа Макарова. На этотъ разъ артистка чувствовала подъ собой твердую почву. Сцена съ тамбуриномъ была повторена. Г-жѣ Макаровой поднесли корзину цвѣтовъ. Г. Большаковъ, пѣвшій Донъ-Хозе, поддерживалъ приличный ансамбль исполненія.

* * *

Къ сезону въ провинціи.

Одесса. Оперные спектакли въ городскомъ театрѣ оказались въ матеріальномъ отношеніи настолько же неудачными, какъ и драматическіе. Въ теченіе перваго мѣсяца валового сбора всего получено 32500 р. Нѣкоторые спектакли проходили при сборахъ въ 300—400 руб.

Русскій театръ снятъ былъ еще весной настоящаго года г. Леонтьевымъ съ цѣлью ставить въ Одессѣ Великимъ постомъ спектакли петербургскаго «Фарса» въ полномъ его составѣ. Теперь онъ отказывается отъ театра. На тотъ же театръ имѣетъ виды г-жа Савина. Она предлагаетъ за сдачу ей Русскаго театра на 2-ю и 3-ю недѣли поста по 250 руб. за вечеръ, арендаторы же просятъ по 350 рублей.

Новочеркасскъ. Съ 19 декабря въ городскомъ театрѣ начались гастроли ростовской оперной труппы подъ управленіемъ Салтыкова. Первые два представленія—«Фаустъ» и «Аида»—прошли при переполненномъ театрѣ, несмотря на чрезмѣрно повышенныя цѣны.

Красноярскъ. Труппа Ан. Дурова находится здѣсь. Самъ же г. Дуровъ скрылся. Говорятъ, что онъ пустился въ поиски за одной изъ исчезнувшихъ неизвѣстно куда «артистокъ» своей труппы и до сихъ поръ не возвратился, оставивъ въ недоумѣніи какъ артистовъ труппы, такъ и кредиторовъ.

Черниговъ. На дняхъ въ черниговскомъ городскомъ театрѣ произошелъ слѣдующій случай. Трое мѣстныхъ молодыхъ «интеллигентовъ», будучи навеселѣ, заняли лѣжку возлѣ самой сцены. Во время дѣйствія они начали отпускать разныя остроты и замѣчанія по адресу мѣстной публики и артистовъ. Когда это не подѣйствовало, «интеллигенты» крикнули: «пожаръ!» Произошла паника, послышались крики о помощи—всѣ бросились къ выходамъ. Виновики происшествія, увидѣвъ такой оборотъ дѣла, сильно перетрусили. Двое изъ нихъ забились въ глубину ложи, а третій съ искаженнымъ отъ страха лицомъ кричалъ убѣгающей публикѣ: «успокойтесь, господа!—это мы... Это я... Это ничего!»..

Екатеринославъ. Въ городскомъ театрѣ начались гастроли г. Дальскаго. Гастроли продолжатся до Великаго поста.

Въ Екатеринославѣ, въ новомъ театрѣ Шильдкредта, начались спектакли опереточной труппы съ А. А. Смолиной во главѣ, подъ режиссерствомъ г. Брянскаго. Въ труппѣ принимаютъ участіе: г-жи Бауэръ, Алмазова и гг. Кубанскій, Брянскій и теноръ Чабанъ.

Либава. По слов. «Рижск. Вѣстн.», среди членовъ либавскаго общества «Развлеченіе и польза» явилась мысль устроить русскій народный театръ. Мѣстомъ для постройки намѣчена усадьба Клепенина на Морской улицѣ.

Въ хроникѣ одного изъ прошлыхъ №№ нашего журнала уже сообщалось, что антрепренеръ либавскаго театра устроилъ манифестацію противъ театральнаго рецензента «Либ. Газ.», объявивъ въ афишахъ, что лишаетъ его доступа въ театръ за неодобрительные отзывы о труппѣ. Биржевой комитетъ, которому принадлежитъ театръ, справедливо признавая такой образъ дѣйствій антрепренера крайне неумѣстнымъ, постановилъ передать на будущій сезонъ театръ другому лицу и уже объявилъ публичное соисканіе на антрепризу либавскаго театра.

Царицынъ. Вышелъ отчетъ мѣстнаго литературно-музыкальнаго и драматическаго кружка за 1899—1900 гг.

Дано было 9 спектаклей, давшихъ въ общей сложности 3337 р. 44 к. валового сбора.

Кострома. Въ «Костр. Л.» читаемъ: «Самой крупной новостью костромскаго дня, пожалуй, является пожаръ въ городскомъ театрѣ. Понятная тревога по поводу пожара въ театрѣ осложнилась нѣкоторыми специфическими настроеніями въ обывательской средѣ. Пожаръ, какъ извѣстно, произошелъ 18-го декабря вечеромъ, и 19-го числа должна была идти «историческая» пьеса «Сыны Израиля»,—alias «Контрабандисты».

Венеціанскій праздникъ.

Поля ЭРВЪЕ.

(Переводъ съ французскаго В. Г.).

Всю эту исторію мнѣ рассказала старинная картина, вывезенная мною нынѣшней осенью изъ Венеціи. Нѣкоторыя подробности найдены мною и дополнены, на основаніи историческихъ источниковъ и правдоподобныхъ гипотезъ; онѣ дали мнѣ возможность возстановить и воскресить эпизодъ изъ венеціанской жизни конца шестнадцатаго столѣтія.

Картина купленная мною—портретъ молодой женщины—или прелестной дѣвушки,—насколько можно судить по стану, такъ какъ лицо незнакомки скрыто маской, которая сберегла на вѣкъ тайну приключенія, едва не окончившагося такъ трагически.

Въ углу картины сдѣлана какъ будто нарочно неразборчиво подпись, такъ что рѣшительно невозможно разобрать, написано ли художникомъ имя Марія или Марина?

Верхняя часть рта женщины скрыта бархатомъ маски. Нижняя губа, полуоткрывающая рядъ бѣлыхъ, какъ жемчугъ зубовъ, ярко красная, почти пунцо-

АЛЕКСАНДРИНСКИЙ ТЕАТРЪ.

Царь-Берендѣй.
Бобыль—г. Давыдовъ.

«Снѣгурочка».

(Юбилейный спектакль К. А. Варламова).

Рис. А. Ростиславова.

вая. Глаза у незнамки были должны быть черные, причѣмъ темнота ихъ зрачковъ усугублялась овальными углубленіями черной маски.

Женщина была одѣта въ бѣлое атласное платье. Въ лохурья пряди волосъ, переплетаясь съ нитями золота, падали локонами на обнаженные плечи. Высокій воротникъ изъ толстаго муслена поддерживалъ гордый подбородокъ. Тонкая талія и круглыя бедра выдѣляли красоту стана. Правая рука въ перчаткѣ, украшенной жемчугомъ, нервно сжимала дорожку въ ерѣ.

Самое событіе, насколько мнѣ удалось возстановить его, должно было произойти при дожѣ Грима-ни (съ 1595 до 1606 г.), для котораго Адриатическое море было дурной подругой жизни. Въ дни его управленія, оно неоднократно выступало изъ береговъ, и его разливы причинили Венеціи убытокъ въ миллионъ дукатовъ; а однажды замерзла при немъ и сама лагуна.

Описываемое мною событіе случилось въ разгаръ карнавала, который тянулся въ старой Венеціи, обыкновенно безконечно. Свобода нравовъ начиналась въ ней съ 5 октября и продолжалась до 16 декабря. Черезъ 10 дней, она возобновлялась и прекращалась только въ первые дни великаго поста, а

затѣмъ воскресала съ Пасхи до Троицы, подѣ всякимъ болѣе или менѣе благовиднымъ предлогомъ, часто изъ простаго желанія повеселиться. Въ то время обычай носить маски въ народѣ былъ такъ распространенъ, что даже служанки отправлялись въ маскарахъ за покупками. Надѣвали маски и на дѣтей, когда выносили ихъ гулять.

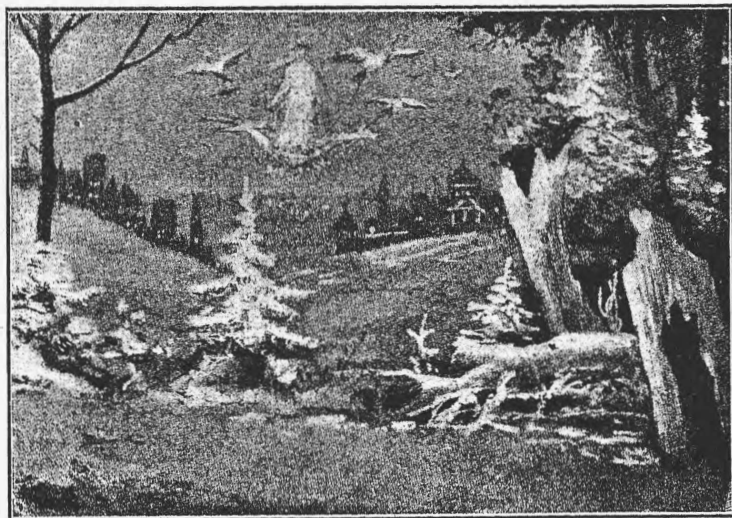
Въ ночь съ 25 на 26 декабря 1600 года—т. е. ровно триста лѣтъ тому назадъ,—въ холодные декабрьскіе дни въ Санъ-Пантелеоне, давали балъ. Но, вопреки обычаю, объ немъ не сообщили населенію выстрѣлами изъ пушекъ, или свистками или серенадами на каналахъ. Сквозь окна дворца не мерцалъ даже слабый свѣтъ; только лучи мѣсяца играли на фасадѣ зданія съ стройными колоннами, кружевными балконами и каменными цвѣтами. Но когда открывались водяныя ворота, сноплъ свѣта вылеталъ изъ дворца, переливаясь на трепещущихъ волнахъ канала. Тогда можно было убѣдиться также, что ни одинъ изъ благородныхъ кавалеровъ и ни одна дама не воспользовалась своими, украшенными наслѣдственными гербами, гондолами для того, чтобы явиться въ Санъ-Пантелеоне. Все это были обыкновенныя лодки, нанятые въ захудалыхъ каналахъ и даже случайно попавшіяся на пути.

Гости, которые явились всѣ замаскированными имѣли, слѣдовательно, серьезное основаніе держать въ секретѣ экспедицію. Такъ какъ балы въ дни карнавала разрѣшались совѣтомъ десяти, и такъ какъ это удовольствіе не было запрещено и религіей, то легко догадаться, что чрезвычайная предусмотрительность, отсутствіе освѣщенія и гробовое молчаніе окрестъ, имѣли свои причины. Изъ дальнѣйшаго разсказа будетъ видно, что балъ давали, въ честь дамъ, мужья которыхъ улеглись спать, или въ честь нѣсколькихъ знатныхъ дѣвушекъ, явившихся танцевать безъ своихъ матерей. Вновь прибывшіе проходили, прежде всего, черезъ вестибюль, освѣщенный судовыми лампами, прикрѣплен-

ными къ аллебардамъ, перевитымъ красными бархатомъ, и украшеннымъ мѣдными шишаками. Гигантскія померанцовыя и гранатовыя деревья упирались своими вершинами въ потолокъ, и напоминали собою новые сады Гесперидъ. Мраморная лѣстница вела въ первую пріемную, съ античными статуями богинь, которыя съ улыбкой на мертвыхъ устахъ говорили гостямъ: „Добро пожаловать“.

Тутъ же находился обширный залъ для танцевъ, упиравшійся четырьмя углами на позолоченныя каріатиды. Золото рѣзныхъ арабесокъ потолка сливалось съ мозаикой пола. Стѣны были задрапированы дорогою золототканною матеріею, отлично гармонировавшей съ желтымъ свѣтомъ тысячи восковыхъ свѣчей, отражавшимся и переливавшимся на желтыхъ пятнахъ матерій и дорогихъ камняхъ, что играли на бѣлыхъ, какъ мраморъ, плечахъ красавицъ. Тайственный полупотопъ голосовъ, шуршанье шелка, пѣніе скрипокъ, все сливалось въ дивную гармонию: воспитаніе и аристократизмъ налажали узду даже на грубую фривольность нравовъ.

Прошло два часа ночи, и общество могло считать

«Снѣгурочка».

(Декоративные мотивы московскаго Нового театра).

себя въ сборѣ, такъ какъ никто больше не приходилъ. Узнать подробности подъ масками, кто явился, и кто не явился, было невозможно. Но стали считать, и оказалось, что на сорокъ четыре дамы приходилось ровно сто семдесятъ семь кавалеровъ.

Для того, чтобы понять ходъ разсказа, необходимо сказать, что мы были здѣсь не на балу куртизанокъ, т. е. милыхъ созданий, которымъ не приходится опасаться потерять доброе имя. Напротивъ: неравномерное распредѣленіе дамъ и кавалеровъ, — какъ непредвидѣнный и глубоко разочаровавшій всѣхъ результатъ, — должно только убѣдить насъ, что часть танцующихъ дамъ отсутствовала, именно, въ виду предусмотрительности ихъ мужей или чисто семейныхъ препятствій, извѣстныхъ богомольнымъ дамамъ высшаго круга Венеціи.

Такъ или иначе, но непропорціональное превышеніе мужского элемента надъ женскимъ должно было вызывать въ возбужденной, хотя и рафинированной, толпѣ состояніе сильнаго раздраженія, какъ это не разъ наблюдали путешественники у нѣкоторыхъ дикихъ племенъ, у которыхъ подавляющее число мужчинъ не даетъ возможности установить систему единобрачія.

Надо представить себѣ атмосферу элегантнаго вкуса, смѣлаго задора, молодости, и жажды наслажденія, и въ этой атмосферѣ — сорокъ четыре прелестныхъ женщины, интригующія столькихъ возбужденныхъ и охмѣлѣвшихъ въ угарѣ зала мужчинъ, не слышно скользящія между ними, опьяняющія ихъ своимъ дыханіемъ... И когда рука счастливаго танцора обвивала гибкій станъ дамы, то оставалось сто тридцать три галантныхъ кавалера, нетерпѣливо и раздраженно опиравшихся на эфесъ шпаги, или бродившихъ въ одиночествѣ и тоскѣ. Подъ бархатными масками сверкали озлобленные мужскіе глаза, съ ненавистью мѣрившіе соперниковъ; и эта злоба и жестокость переходили даже на трепещущія отъ нѣги, тѣла женщинъ, такъ какъ невозможно было проникнуть сквозь непроницаемую, маску и уловить кокетливый взглядъ или лукавую улыбку. Тонкая пудра и румяна ловко скрывали даже наготу,

и никто не могъ по одному ему извѣстнымъ примѣтамъ узнать имя красавицы.

И вотъ наступилъ моментъ, когда сто тридцать три кавалера рѣшили, что они больше не будутъ терпѣть. Неужели же имъ стоять тутъ съ скрещенными руками и смотрѣть, какъ сорокъ четыре счастливица обнимаютъ станъ подругъ? Нѣтъ! Или всѣ, или никто! Въ это-то время разнесся громкій крикъ „Гальярдъ“. Это была фигура придуманная исключительно для того, чтобы выставить въ болѣе яркомъ свѣтѣ раздражающую прелесть женщины, — фигура, которую дама исполняла одна безъ кавалера, принимая чувственные позы, ступая на носки и отбивая тактъ каблучкомъ. Нѣкоторыя дамы громко протестовали, быть можетъ изъ скромности а, можетъ быть, и потому, что не умѣли красиво и граціозно танцевать.

Но большинство откликнулось на призывъ, и каждой хотѣлось щегольнуть своею ловкостью и фантазіей. Неудивительно, если неосторожное соперничество не только не успокоило умы, но окончательно затуманило головы. Сто семдесятъ семь кавалеровъ

образовали плотную и непроницаемую цѣпь, вокругъ сорока трехъ обмахивавшихся вѣерами женщинъ, въ то время, какъ сорокъ четвертая стояла посрединѣ, на столѣ, и перегибала станъ, и чувственно вскрикивала, или, вдругъ остановившись, окидывала, какъ царица, толпу рабовъ. Опьяняющій запахъ шелъ отъ гибкаго, какъ тростникъ, тѣла, упитаннаго амброй и миррой, мускусомъ и настоємъ изъ листьевъ кедра. Зрители, захмѣлѣвъ отъ вина и страсти, подпѣвали, подъ ритмъ музыки, и все тѣснѣе сжимали свои ряды; локти ихъ прикасались, и нѣкоторые, въ порывѣ возбужденія, дѣлали безумные жесты. И вдругъ въ воздухѣ блеснула сталь клинка. И, неизвѣстно какъ, этотъ клинокъ вонзился въ поднятую вверхъ руку и потекла кровь.

Всѣ вострепнулись какъ гнѣздо шмелей, на которое неосторожно наступила нога человѣка. Сто семдесятъ семь шпагъ сверкнули въ воздухѣ, и сто семдесятъ семь рукъ направили ихъ остріе въ грудь соперника и, обнаживъ кинжалы, стали въ боевую позицію. Одна мысль мелькнула у всѣхъ, — мысль о западнѣ, и превратила въ враговъ общество, состоявшее изъ людей одного круга, изъ друзей, быть можетъ, изъ братьевъ. Но подъ маской братъ превратился въ незнакомца и недруга. Раздался звонъ стали, и соперники скрестили оружіе.

Женщины заткнули себѣ уши и разбѣжались по

«Снѣгурочка».

(Декоративные мотивы московскаго Нового театра).

разнымъ угламъ; въ залѣ послышался сдержанный крикъ ужаса; но дамы боялись звать на помощь; слезы текли изъ ихъ глазъ и падали изъ-подъ бархата маски на платье. Но все еще крѣпче прижимали маски къ лицу, такъ какъ даже въ трагическій моментъ катастрофы онѣ думали больше всего о томъ, какъ бы не быть узанными!

Прикрывая шпагой грудь и кинжаломъ спину, противники нападали для того, чтобы предупредить нападеніе. Никто не могъ ничего прочесть на лицахъ, одинаково страшно похожихъ другъ на друга, подъ чернымъ бархатомъ маски.

И въ этотъ роковой моментъ, прелестная женщина въ бѣломъ, рискуя своею жизнью, бросается между сражающимися. Благородство движенія, отчаяніе протянутыхъ впередъ рукъ, и необыкновенное мужество побѣдили и ангелъ смерти улетѣлъ изъ этой залы.

Все поздравляли другъ друга, незнакомые обмѣнивались рукопожатіями, дамы вернулись на свои мѣста, глубоко вздыхая и утирая слезы, и только тогда замѣтили, что, вмѣстѣ съ ангеломъ смерти, отлетѣлъ и ангелъ жизни.

Немедленно же бросились въ поиски: кто несъ канделябры, кто торопился къ водянымъ воротамъ, такъ какъ съ той стороны послышался подозрительный стукъ и всплескъ волны.

И въ глухомъ шумѣ, многіе неожиданно услышали раздавшійся какъ эхо, подъ сводами дома, мужской голосъ. Этотъ голосъ звалъ кого-то по имени; но трудно было разслышать самое имя: одни говорили Марія; другіе—Марина. Но въ самыхъ звукахъ и интонаціяхъ чувствовалось, разрывающее сердце, отчаяніе, и одна мысль пронеслась у всехъ въ головѣ: это призывъ оставшагося въ живыхъ къ умершей, къ умершей для него, къ существу, котораго ему не суждено больше видѣть.

Дамы нашли, что не могутъ больше оставаться, а кавалеры потеряли желаніе ихъ удерживать; и расходящіяся только спрашивали шопотомъ другъ у друга: Марія? или Марина?

Къ чему? Сколько Марій и сколько Маринъ насчитываетъ у себя венеціанская знать?

Но потомъ нѣкоторые изъ участниковъ праздника сообщали, что героиню звали синьорина Марія Парписпаціо, такъ какъ разнесся слухъ, что прелестная дѣвушка, которая больше думала о числѣ своихъ поклонниковъ, чѣмъ о прозваніи служительницы церкви, приняла схиму. Говорили, что она была невѣстой, а можетъ быть и возлюбленной раненнаго молодого человѣка и что, когда она узнала подъ маской друга сердца, она дала обѣтъ посвятить себя Богу, если ей удастся спасти дорогую для нея жизнь, которой грозила смертельная опасность.

Но эта увѣренность нѣсколько поколебалась, когда въ томъ же году ушла въ монастырь синьора

Марина Ганерли, мужъ которой неожиданно умеръ, какъ говорили тогда, отъ яда. Его жена должна же была купить себѣ свободу, разъ она дала обѣтъ отречься отъ свѣта въ ночь на 26 декабря 1600 года.

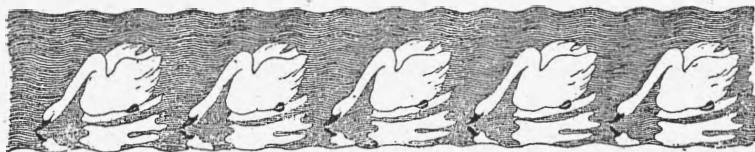
Я думаю, что картина была нарисована позднѣе, по памяти, однимъ изъ венеціанскихъ вельможъ, однимъ изъ участниковъ праздника, понимавшихъ искусство и постигшихъ его тайны. Такихъ было очень много въ то время въ Венеціи и онѣ сохранили гордый жестъ въ ту минуту, когда столько легкомысленныхъ жизней были поставлены на карту

КЪ ЮБИЛЕЮ К. А. ВАРЛАМОВА.

К. А. Варламовъ на дачѣ, со своимъ слугою Максимомъ Ионычемъ (лилипуть).

и были спасены лишь самоотверженіемъ чистой женской души. Онъ сберегъ для насъ на триста лѣтъ воспоминаніе о легкихъ нравахъ прошлаго. Онъ воскресилъ гибкое и чудесное тѣло, самые складки платья и брилліанты, и жемчугъ на обнаженной шеѣ; онъ оживилъ образъ прелестнаго существа, которое горѣло такимъ трепетомъ страсти, которое такъ любило и страдало въ ночь съ 25 на 26 декабря 1600 года.

Кой про что.

Умеръ М. П. Федоровъ. Представляю себѣ эту громадкую, неуклюжую фигуру, это выразительное лицо, мясистый носъ, вооруженный пенсне, которое Федоровъ постоянно поправлялъ, — и силюсь припомнить, гдѣ я съ нимъ впервые познакомился.

Кажется, это было въ театрѣ. Даже навѣрное, такъ. И не въ зимнемъ театрѣ, а въ лѣтнемъ. И не просто въ лѣтнемъ театрѣ, а непременно въ опереткѣ, и, конечно, французской. Но какъ это случилось — увы, я сказать не умѣю.

Вообще, сколько я ни стараюсь напрочь память, я не могу объяснить, какъ и въ какой послѣдовательности, я сталъ рецензентомъ. Это произошло какъ-то необыкновенно просто. Въ одинъ прекрасный день меня, писавшаго статьи по экономическимъ и юридическимъ вопросамъ, призвалъ редакторъ и сказалъ: „сегодня напишите объ „Аркадіи“ или „Ливадіи“. И далъ мнѣ билетъ, гдѣ значился свободный пропускъ на 2 персоны. Въ этомъ заключалось мое посвященіе въ рецензенты. Такъ посвящали всѣхъ. Я не сумѣю сказать, былъ ли я до этого два раза въ опереткѣ, а ужъ балета я не видалъ ни разу, между тѣмъ въ „Аркадіи“ или „Ливадіи“ сосуществовали — оперетка и балетъ.

Получивъ билетъ, и чувствуя нѣкоторое сладостное смѣненіе, я сказалъ редактору:

— Однако, сумѣю-ли... Ориентируюсь... Вообще... Все-таки...

Но редакторъ посмотрѣлъ на меня совершенно стеклянными глазами и небрежно замѣтилъ:

— Вы встрѣтите тамъ Николая Михайловича: онъ объяснитъ.

Николай Михайловичъ былъ постоянный рецензентъ, но по другой части. Все, оказывается, выходило очень просто: билетъ мнѣ данъ, Николай Михайловичъ объяснить, и я — рецензентъ!

Все именно такъ и случилось. Я пѣхалъ по конкѣ, показавъ билетъ, отыскавъ Николая Михайловича, который сунулъ мнѣ руку и не глядя на меня, прорывилъ нѣсколько словъ, вроде:

— Отлично... Disceuse ... Двойные пируэты... Жоржъ капельмейстеръ вретъ... Поддержите...

И наконецъ, сѣлъ въ рецензентскомъ ряду, рядомъ съ господиномъ съ красивымъ лицомъ и въ круглой шляпѣ, который стучалъ палкой и съ сильнымъ полскимъ акцентомъ восклицалъ: „превосходно! талант! бис!“ — и другимъ, старымъ, сморщеннымъ, съ крашеными усами, издававшимъ звуки „браво“ на манеръ собачьяго лая. И подалѣ сѣдѣлъ Федоровъ и еще многіе, изъ коихъ однихъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече...

Утромъ я проснулся совершеннѣйшимъ рецензентомъ. Вѣроятно, въ тотъ-же вечеръ я со всѣми перезнакомился и съ тѣхъ поръ, встрѣчалъ Федорова вездѣ во всѣхъ театрахъ. Федоровъ не былъ рецензентомъ, въ точномъ смыслѣ слова. Онъ рѣдко писалъ. Но онъ неизмѣнно присутствовалъ, бодро и рѣшительно. Потомъ присутствовать, впадая въ дремоту. Но присутствовалъ.

Скажите, что такое „театралъ“? Человѣкъ, посѣщающій театръ? Но тогда онъ — „публика“. Человѣкъ, играющій въ театрѣ или поставляющій что либо для театра? Но тогда — это профессиональный дѣятель. Человѣкъ, который преимущественно любить театръ? Но мало ли что человѣкъ преимущественно любить, не приобретая, однако, специального прозвища. Почему нѣтъ соответствующаго термина для исключительнаго любителя литературы, живописи, архитектуры, скульптуры, но существуетъ „театралъ“, да еще съ подраздѣленіями: „меломанъ“, „балетоманъ“ и пр.?

Театралъ — это человѣкъ, который цѣнитъ не столько самое театральное искусство, сколько общеніе съ его элементами, тотъ тонкій эпикуреизмъ, который связанъ съ подмостками, и ту вольницу жизни, нравовъ и духа, которая свойственна кулисамъ. Старое барство поставляло во множествѣ такихъ театраловъ. Вначалѣ — „вдвоемъ водевильчикъ слѣпать“, потомъ, глядишь, сыграютъ на любительскомъ спектаклѣ, потомъ влюбятся въ актрису, подружатся съ актеромъ и, наконецъ, втянутся незамѣтно въ вольный, безалаберный, лихорадочный строй — если только это можно называть „строемъ“ — театральной жизни.

Вольница „богемы“ у насъ не имѣла другихъ формъ выраженія, какъ именно общеніе съ кулисами. У героев Мюрге были соответственныя гризетки. Сидя рядышкомъ съ ними на балконѣ парижскаго дома, они глядѣли внизъ на разстилавшееся море шумной, вольной, свободной жизни. Балъ-Мабилъ, пивная въ латинскомъ кварталѣ, кабачекъ Монмартра — всюду была все та же социальная вольница, которой казались тѣсны буржуазные берега.

У насъ — былъ только театръ, и только непосредственное общеніе съ его служителями и жрецами, давало пищу иллюзіямъ вольницы.

М. П. Федоровъ жилъ и умиралъ богемой. Онъ уѣзжалъ утромъ въ редакцію, затѣмъ отправлялся куда нибудь обѣдать, и потомъ въ театръ. Сидя грузно въ тѣсномъ креслѣ, онъ пыхтѣлъ, сопѣлъ, упорно не покидая мѣста въ антрактѣ и перекидывался нѣсколькими словами съ знакомыми. Ему рѣдко, что нравилось. Отъ постоянного сидѣнія въ театрѣ, онъ — какъ бы сказать? — страдалъ нѣкоторымъ несвареніемъ эстетическихъ эмоцій. Онъ не анализировалъ чувствъ и настроеній, не старался добратъся до причинъ и корней, но обыкновенно сравнивалъ „вѣкъ нынѣшній“ и „вѣкъ минувшій“ и, конечно, ему казалось, что вѣкъ минувшій былъ много превосходяще. Онъ всегда припоминалъ то Брошель, то Самойлова, то Васильева, то Гортензію Шнейдеръ, то какого нибудь Сидорова 4, о которомъ уже совсѣмъ не сохранилось никакихъ воспоминаній. Онъ былъ искренно убѣжденъ, что все это было не въ примѣръ лучше. Обычное заблужденіе старости, которая полагаетъ, что измѣнился міръ, и все кругомъ сто разъ перевернулось, только она — недвижна, какъ была. И люди были убѣждены, что солнце вращается вокругъ земли, и изъ оконъ вагона иной разъ кажется, что движутся деревья, кусты, и земля быстрой лентой куда-то мчится въ неизвѣстную даль... Однако, это не такъ. Люди старѣются и умираютъ быстро, не жели формы искусства. Между Сидоровымъ 4-мъ прежнихъ временъ и Сидоровымъ 44 нашего времени разницы меньше, нежели между Федоровымъ юнымъ и полнымъ неберебродившимъ силъ, и Федоровымъ старымъ, который является въ театръ затѣмъ, что надо же, какъ говорить Достоевскій, чтобы всякому человѣку было куда пойти...

Я полагаю, что формы любви, обожанія и пониманія театра, въ общемъ, были довольно наивны и ограничены у стараго поколѣнія театраловъ. Я имѣлъ уже случай говорить объ этомъ по поводу книги г. Скальковскаго, которая на всегда останется документальнымъ выраженіемъ того, что такое была театральная критика добраго стараго времени. Г. Скальковскаго считаютъ знатокомъ театра. Театральныхъ сплетенъ, можетъ быть. Въ настоящее время нельзя представить ни одной газеты, даже изъ числа самыхъ разудалыхъ и легкомысленныхъ, въ которой была-бы помѣщена рецензія, подобная той, напримѣръ, какую написалъ г. Скальковскій о бенефисѣ г-жи Савиной и о новой пьесѣ „Данишевы“. Въ этой рецензіи говорилось о туалетахъ артистки, о новыхъ панталонахъ г. Петипа и въ заключеніе, о старыхъ панталонахъ г. Крылова, „воспѣтыхъ малой прессою“. Стало быть, тамъ, въ этой прессѣ, обстояло еще хуже? Утѣшительно!

Повторяю: это поколѣніе театраловъ цѣнило театръ на манеръ помѣщиковъ, державшихъ крѣпостныхъ трупы. Любили утѣху жизни, веселыя фанфары оркестра, улыбки дамъ, свѣтъ ramпы, возбужденіе здороваго и сытаго довольства. Скользили по поверхности и брали отъ жизни все, что можно, не мудрствуя лукаво и не вникая въ сокровенную суть явленій. Цѣлое поколѣніе такихъ рецензентовъ прошло предъ моими глазами: А. Н. Похвисневъ, П. С. Макаровъ, Н. Э. Вильде. Что они понимали въ театрѣ, и понимали-ли, вообще, что-нибудь — я не умѣю сказать. Они выработали какой-то узенькій, ничтожный шаблонъ, и когда писали о большихъ авторитетахъ, то очень восторгались, когда писали о среднихъ, восторжались умѣренно, а когда писали о молодыхъ или начинающихъ артистахъ, то были еще умѣреннѣе. И ни одного слова, которое озарило-бы ихъ рецензію, пояснило-бы истиннымъ образомъ, что они дѣйствительно чувствуютъ, думаютъ и понимаютъ.

Вотъ почему я утромъ проснулся совершеннѣйшимъ рецензентомъ. Пробѣжавъ бѣгло свою рецензію, напечатанную петитомъ, я не нашелъ никакой разницы между ней и рецензіями „блестящей плеяды“.

Вечеромъ одинъ изъ старѣйшихъ меня поощрилъ. Я сидѣлъ въ рецензентскомъ ряду, самодовольно крутилъ молодой усъ и чувствуя себя королемъ въ своемъ королевствѣ, позволилъ уже себѣ обратиться къ сосѣду съ красивымъ лицомъ со словами:

— Прелестно! Талантъ! Верхній медіумъ!

Въ отвѣтъ на что получилъ благодарный взглядъ и слова:

— Очаровательно! Вріо! Тремоло vivascel..

И затѣмъ всѣ вмѣстѣ, и разумѣтся, здѣсь былъ и покойный Эмпефъ, т. е. Федоровъ, пили чай на открытой верандѣ. Старѣйшій сообщалъ послѣдніе каламбуры.

И ночь была благодатна, и хороша, и лягушки квакали въ болотѣ, словно соловьи заливались... Мнѣ было 22 года, и я былъ рецензентомъ...

Ахъ, какъ время пролетѣло.

Homo Novus.

А. Мецъ, скрипачъ.

Переписчикъ.

(Продолженіе *).

V.

Генераль Дорошевскій взялъ Аксусина, такъ сказать, приходящимъ домашнимъ секретаремъ. Къ моему немалому удивленію, они сошлись довольно скоро: генераль черезъ недѣлю выразилъ мнѣ письменную благодарность за рекомендацію, при чемъ писалъ:

„Въ молодомъ человѣкѣ есть своеобразная порядочность,—особенно съ той поры, какъ онъ завелъ новые сапоги. Онъ скромнѣе, и сквозь его мрачность иногда проглядываетъ свѣтлый юморъ.— У него есть странности, но онъ уменъ, часто забавенъ. Иногда онъ прекоично меня ругаетъ, и доводитъ до истерики. Обладаетъ предразсудками, ибо говорить, что очень полезно ѣсть натошакъ яблоки, и потому каждый день уносить по яблоку съ собою. Хуже всего то, что я почему-то сталъ ѣсть по утрамъ „наполеона“. А такъ какъ я беру „наполеонъ“ по два рубля десятокъ—то секретарь составляетъ для меня добавочный расходъ по двѣнадцати рублей въ мѣсяцъ“.

Генераль былъ человѣкъ очень тучный, съ обвисшими щеками, и залывшими глазами. Но это не мѣшало ему быть постоянно жизнерадостнымъ. Мрачный видъ секретаря особенно дѣйствовалъ на него успокоительно.

— Вы мнѣ напоминаете черную грязевую ванну,—сказалъ ему разъ генераль.—Сядешь въ нее—и такъ тепло, какъ неродившемуся младенцу. Самая чернота пріятна.

*) См. № 1.

Аксусинъ на это высморкался (онъ и при сморканіи пускалъ басовую ноту), посмотрѣлъ внимательно на генерала, и сказалъ:

— А вы мнѣ, ваше превосходительство, напоминаете въ значительной мѣрѣ Фальстафа, но только безъ его юмора.

Занятія съ Дорошевскимъ заключались въ томъ, что ему прочитывались утромъ всѣ газеты, съ пропускомъ нѣкоторыхъ ненавистныхъ для генерала отдѣловъ: театральнаго и думскаго. Онъ терпѣть не могъ театральныя представленія и думскихъ за сѣданій. Въ театр онъ никогда не ходилъ, и недвижимой собственностью не имѣлъ. Въ ненависти къ театру они сходились. Аксусинъ порою изрекалъ:

— Да ужъ, этотъ Шекспиръ!..

— А что?—радостно подхватывалъ генераль.

— Гротескъ-съ, и больше ничего... за исключеніемъ, впрочемъ, Фальстафа.

— И грубо? спрашивалъ генераль.

— Ухъ! Шершавый.

— Ну, а Шиллеръ? спрашивалъ Дорошевскій послѣ минутнаго молчанія.

— Шиллеръ? Гм... Черносливный поэтъ. Чтеніе Шиллера расслабляетъ человѣка. Шиллеръ корчилъ изъ себя грека, а пахъ цикорнымъ кофеемъ и пивомъ. Что такое Шиллеръ!

VI.

Дѣло шло къ веснѣ. Генераль имѣлъ обыкновеніе жить близъ Ораніенбаума, и переѣзжалъ туда вскорѣ послѣ прилета грачей, когда еще снѣгъ на сѣверныхъ склонахъ горокъ не стаялъ. Аксусинъ, узнавъ объ этомъ переѣздѣ, похудѣлъ и позеленѣлъ въ теченіе двухъ дней.

ИТАЛІАНСКАЯ ОПЕРА.

Теноръ Константини.

Рис. А. Злотниковъ.

— Слѣдуетъ намъ разстаться, буркнулъ онъ однажды.

Генераль испугался.

— То есть какъ это? пролепеталъ онъ.

— На лѣто. Я—плебей. Я буду дышать микро-бами города. Озонъ лѣсовъ не для насъ.

— То есть какъ же, почтеннѣйшій? Вы хотите допустить меня одного жить на дачѣ?

«Принцесса Греза».

Изъ книги «Корень вещей» Олега Добряго.

— Именно. Но если вамъ скучно, заведите экономку.

— Позвольте. Я не желаю экономку. Мнѣ нужны вы. Аксусинъ потрясъ отрицательно головой.

— Но въ чемъ же дѣло, почтеннѣйшій? Почему это упорство?

— Я уже докладывалъ вамъ, съ ненавистью во взглядѣ началъ онъ,—что имѣю...

Онъ какъ-то поперхнулся, но скоро оправился.

— Что имѣю престарѣлую мать, одержимую недугомъ. Хотя, съ одной стороны, всѣ родственныя и кровныя отношенія я считаю андронами, белибердой и даже гнусностью, тѣмъ не менѣе не могу не сознаться, что ежели существо не только, что родственное, но даже паршивая собаченка, связана со мной узами сожитія, то не могу я бросить это существо безъ помощи, и читать газеты генераламъ?

Дорошевскій значительно сжалъ губы.

— Но если бы нанять комнатку для вашей матушки гдѣ нибудь неподалеку отъ моей дачи?

Глаза у Аксусина заискрились, но сейчасъ-же и потухли.

— Едва-ли это возможно, сказалъ онъ. — Даже вѣрнѣе будетъ сказать: окончательно невозможно.

Генераль попросилъ объясненія.

— Вообразите себѣ неподвижную больную, прикованную,—какъ говорятъ талантливые романисты, цѣпями недуга къ одру страданій. Какъ же ее ворошить?

— Но если осторожно?

— А если прибавить къ этому, что параличъ вызвалъ потемнѣніе разсудка?

— Даже до того дошло?

— Почти съ рожденія.

— Какъ-же на вашей матушкѣ рискнулъ жениться вашъ родитель? подозрительно спросилъ генераль.

Аксусинъ задумался.

— Это исторія сложная,—сказалъ онъ,—но передавать ее вамъ я не имѣю ни малѣйшаго желанія.

VII.

Генераль повѣдалъ какъ-то мнѣ свои подозрѣнія о параличной матери переписчика.

— Вообще я сомнѣваюсь, что у него когда-нибудь была мать,—прибавилъ онъ. — Мнѣ кажется, что онъ вретъ. Я пошлю навести справки, потому что это меня интересуетъ.

— Охота вамъ! сказалъ я.

— А, не говорите! Человѣкъ все время возлѣ меня, долженъ-же я знать насколько онъ искрененъ. Сребролюбія въ немъ вѣтъ, преднамѣренно жалости онъ возбуждать не желаетъ,—но можетъ быть вретъ прямо въ силу природной потребности,—какъ институтки ѣдятъ штукатурку. Все это надо сообразить и знать.

Онъ послалъ въ домъ, гдѣ жилъ Аксусинъ, своего деньщика востраго ярославца. Тотъ ходилъ довольно долго, и принесъ вѣсти довольно неутѣшительныя.

— Маменьки, ваше превосходительство, нѣтъ никакой. Какая-то старушка кислородная ходитъ,—но дворники опредѣлительныхъ данныхъ касательно ей не имѣютъ. И ноги у старушки въ порядкѣ, даже шаркаетъ ими. А за занавѣской точно,—что-то дышетъ, но не по старушечьему образцу—а безъ мокроты. Дворникъ тутъ изъ вологодцевъ—никакой шустрости нѣтъ,—говоритъ, что живетъ при емъ барышня...

— Барышня? изумился генераль.

— Такъ точно. Но какова эта барышня по общему,—никто изъ четырехъ дворниковъ объяснить не могъ. Я ужъ пугалъ ихъ. Да все вологодцы. Извѣстно, толоконники: теленка съ подковой съѣли.

— И давно барышня эта живетъ у нихъ? освѣдомился Дорошевскій.

— Съ незапамятныхъ временъ. Старушка принята позпрошлымъ лѣтомъ. На ухо очень припадаетъ, такъ что даже голову держать со склоненіемъ,—и тоже ничего добиться нельзя. Всѣ, ваше превосходительство въ домѣ пришибленные какіе-то.

Открытіе, что у Аксусина съ незапамятныхъ временъ живетъ барышня, взволновало генерала. Онъ терпѣть не могъ лжи. Цѣлый день онъ шагаль изъ угла въ уголъ, придумывая способъ вывести своего секретаря на чистую воду, всю ночь не спалъ, и наконецъ рѣшилъ дѣйствовать прямо.

VIII.

На слѣдующее утро, когда Аксусинъ, развернувъ газеты, сталъ жестокоимъ басомъ сообщать о преніяхъ парламента, Дорошевскій вдругъ прервалъ его.

— Зачѣмъ вы это сдѣлали? спросилъ онъ.

— Что?

— Зачѣмъ вы сказали, что живете съ матерью? Онъ опустилъ глаза въ газету. На щекахъ проступили красноватые пятна.

— Хотѣлъ,—проговорилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

— Можетъ быть.

— У васъ въ квартирѣ прислуга — и молодая особа.

Аксусинъ посмотрѣлъ на генерала иронически.

— Шпіонили?

Онъ всталъ.

— До моей частной жизни вашему превосходительству нѣтъ никакого дѣла. Есть-ли у меня пять матерей, или ни одной, никому это не интересно. Если еще разъ повторится подобный розыскъ... Я знаю, что вашъ клеветъ былъ у насъ во дворѣ,

пока я занимался здѣсь... Такъ вотъ если еще разъ повторится подобный розыскъ,—я уйду отъ васъ, и никакая земная сила,—даже полицейская,—не въ силахъ будетъ заставить меня измѣнить свое рѣшеніе.

Генералъ былъ уничтоженъ.

Тѣмъ не менѣе „барышня“ его интересовала настолько, что не давала ему покоя. Онъ подолгу смотрѣлъ на своего чтеца, не слушая что онъ читаетъ, и представлялъ себѣ на разные лады таинственную, быть можетъ, прелестную, заключенницу, которую держать за занавѣской. Его нѣсколько смущало то обстоятельство, что заключенница была въ квартирѣ „съ незапамятныхъ временъ“. Онъ строилъ всевозможныя предположенія,—но тонкій лакированный носъ чтеца, систематически выклеивая слова въ тактъ чтенію, казалось разрушалъ всякое предположеніе о возможности какого-бы то ни было романа.

Разгадка сама пришла, и обнаружила нѣчто странное и неожиданное.

П. Гнѣдичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

За границей.

Въ англійскомъ театрѣ. Въ огромной массѣ домовъ, обрабатывающихъ столицу Великобританіи, съ теченіемъ времени выработалось оригинальное размѣщеніе жителей по профессіямъ; къ любому лондонскому жителю можно обратиться со словами: «Скажи мнѣ, гдѣ ты живешь, или въ какой части города работаешь,—и я скажу, кто ты». Восточная часть Лондона,—Остъ-Эндъ,—царство нищеты: здѣсь, вблизи фабрикъ и доковъ, ютится самая бѣдная часть населенія. Центръ города,—Сити,—торговый кварталъ; здѣсь-же, особенно на Флитъ-стритъ, помѣщаются типографіи большихъ газетъ. Рядомъ съ ними, вокругъ вѣдана судебныхъ установленийъ, находятся конторы адвокатовъ. За ними слѣдуетъ Страндъ, занятый театрами, а дальше идетъ западная часть города,—Вестъ-Эндъ,—аристократическій кварталъ, гдѣ сгруппированы клубы, выставки, лучшие магазины и дворцы богачей, которые тянутся на западъ вплоть до самого Гайдъ-парка. Все это замыкается широкимъ кругомъ многочисленныхъ предмѣстій, служащихъ преимущественно для дачнаго житія.

Хотя театральныя кварталы расположены въ самомъ центрѣ города, куда ведутъ десятки желѣзныхъ дорогъ со множествомъ станцій, не говоря о другихъ путяхъ сообщенія, однако, если принять въ соображеніе, что при огромной площади Лондона посѣтителю театра приходится пробѣжать, въ среднемъ, не менѣе восьми или даже десяти верстъ для того, чтобы добраться до цѣли своего путешествія, то нельзя не удивляться, что три десятка театровъ скучены вмѣстѣ на очень небольшомъ пространствѣ. Огромныя разстоянія, разумеется, неблагоприятно вліяютъ на посѣщеніе театровъ лондонской публикой, которая вслѣдствіе этого и является наименѣе театральною въ сравненіи съ публикою другихъ европейскихъ столицъ.

Съ внѣшней стороны лондонскіе театры не могутъ похвалиться особенной красотой. Почти всѣ они зовутся «Королевскими», носятъ имя принца или принцессы Уэльскихъ,—но это только пустое хвастовство: въ Англіи нѣтъ никакихъ «королевскихъ» театровъ въ смыслѣ нашихъ Императорскихъ, т. е. содержимыхъ на казенный счетъ. Городскія управленія также не даютъ театрамъ никакихъ пособій. Такимъ образомъ, въ Лондонѣ всѣ театры совершенно частныя предпріятія. Оттого и театральныя зданія здѣсь не отличаются особенною архитектурною красотой. На Страндѣ театры стоятъ почти рядомъ одинъ съ другимъ и мало чѣмъ отличаются по своей внѣшности отъ прочихъ большихъ домовъ этой оживленной улицы: нѣтъ ни колоннъ, ни обширныхъ порталовъ, ни удобнаго въѣзда для экипажей; публика должна подъѣзжать къ

Новая комедія «La curieuse d'amour».

Карикатура Канелло.

тротуару и пробираться въ театръ сквозь толпу уличныхъ пѣшиходовъ, а при выходѣ изъ театра, по окончаніи представленія, терпѣливо ждать очереди на узкой лѣстницѣ. Зрительная зала обыкновенно не обширна, хотя въ большинствѣ театровъ отличается изящнымъ убранствомъ. Лучшія мѣста находятся въ партерѣ; ближайшія къ сценѣ ложи, конечно, удобнѣе,—но онѣ стоятъ гораздо дороже, а потому и бываютъ обыкновенно заняты бесплатными посѣтителями. Англичанинъ входитъ въ театральную залу въ пальто, шляпѣ и съ палкой, но безъ перчатокъ; дамы—обыкновенно въ шляпкахъ и накидкахъ. Небогатая публика помѣщается, болѣею частью, въ мѣстахъ за креслами, гдѣ мѣсто стоитъ отъ рубля до трехъ рублей, между тѣмъ какъ въ креслахъ надо заплатить не меньше пяти рублей; въ оперѣ всѣ цѣны вдвое дороже. Къ этому надо прибавить еще довольно значительные экстренные расходы: за сохраненіе платья надо заплатить 25 коп., за оперное либретто—75 коп., за афишу—25 коп. и, кромѣ того, нужно дать на чай капелъдирижеру, указывающей мѣсто. Такимъ образомъ, посѣщеніе театра, въ общемъ, обходится не дешево.

Спектакли начинаются обыкновенно въ 7½ или 8 часовъ вечера, но главная пѣса дается не ранѣе 9, такъ какъ богатая публика привыкла обѣдать поздно. Соотвѣтственно этому, спектакли часто затягиваются за полночь.

Особеннымъ оживленіемъ отличаются первыя представленія новыхъ пьесъ, на которыя собирается «весь Лондонъ». Кто въ галлерей затягиваетъ веселую пѣсню; въ мѣстахъ за креслами тотчасъ подхватываютъ ее,—но вдругъ пѣніе обрывается: въ залу вошелъ извѣстный политическій дѣятель; его имя слышится со всѣхъ сторонъ среди криковъ «ура!», свистковъ и шиканья; затѣмъ снова раздаются какіе нибудь куплеты, снова прерываемые появленіемъ какого нибудь всѣмъ извѣстнаго лица. Въ этомъ отношеніи лондонская публика ведетъ себя вполне свободно и ничѣмъ не стѣсняется. Общему возбужденію немало помогаетъ и то, что передъ началомъ спектакля и въ антрактахъ буфетная прислуга разноситъ въ галлерей и въ мѣстахъ за креслами эль, портеръ и другіе напитки.

Артисты нисколько не смущаются, выступая передъ такой беспокойной публикой: какъ-бы шумно она себя не держала, къ нимъ она всегда относится очень добродушно, а любимцевъ своихъ встрѣчаетъ обыкновенно цѣлыми залпами рукоплесканій, такъ что каждому изъ нихъ приходится долго раскланиваться во всѣ стороны, прежде чѣмъ начать свою роль. Конечно, отъ этого страдаетъ общее впечатлѣніе, но что за бѣда? Англичанинъ не торопится высказывать свое сужденіе о пьесѣ; онъ идетъ изъ театра домой, ложится спать, а на утро, прочитавъ газету, твердо знаетъ, какого онъ мнѣнія о новомъ произведеніи отечественной драматургіи.

Впрочемъ, первыя представленія новыхъ пьесъ случаются не часто. Пьеса, имѣвшая успѣхъ въ первые спектакли, идетъ обыкновенно цѣлый годъ, ежедневно, кромѣ, конечно, воскресныхъ дней, когда всѣ театры закрыты. Особенною любовью англійской публики пользуются мелодрамы. Здѣсь не только исполнители главныхъ ролей встрѣчаются восторженными привѣтствіями, но каждая добродѣтельная фраза усердно подчеркивается рукоплесканіями, а «злодѣи»; какъ бы хорошо не играли, неизбежно жестоко осистываются. Юр. М.—въ.

Курьезный анекдотъ изъ жизни Брамса въ Гамбургѣ. Въ пятидесятыхъ годахъ покойный композиторъ имѣлъ привычку ужинать съ друзьями въ трактирѣ «Красивый фонарь»; для него всегда оставляли столъ. Придя туда какъ-то вечеромъ, Брамсъ засталъ весь трактиръ въ суматохѣ. Нѣкая кафежан-

танная пѣвица Фіакеръ-Милли, славившаяся красотою и умѣньемъ угождать публикѣ, давала тамъ своимъ пріятелямъ и подружкамъ вечеринку. Брамсъ разсердился и хотѣлъ уже уйти, но хозяинъ сообщилъ ему, что Милли заранѣе приказала оставить свободнымъ его столъ, и предложилъ ему сѣсть. Довольный такимъ вниманіемъ, Брамсъ занялъ свое всегдашнее мѣсто и уже весело смотрѣлъ, какъ пѣвица угощала своихъ гостей—модистокъ, прачекъ, извозчиковъ, почтальоновъ и подобныхъ имъ особъ невысокаго полета. Ужинъ кончился. Веселая компанія ожидала тапера, чтобъ начать вальсъ, какъ вдругъ пришло извѣстіе, что таперъ внезапно заболѣлъ и играть не можетъ. Всѣ повѣсили носы, и веселье нарушилось. Но Милли не упала духомъ; она пошла на рискъ и, подговоривъ нѣсколькихъ хорошенекъ, подругъ, вмѣстѣ съ ними стала просить знаменитаго артиста замѣнить имъ тапера. Къ общему удивленію, Брамсъ не сказавъ ни слова, подошелъ къ піанино, сѣлъ и съ увлеченіемъ сталъ играть одинъ изъ вальсовъ своего друга, Іоганна Штрауса. Цѣлыхъ три часа вальсы, полки, кадрили слѣдовали одни за другими, и Брамсъ не убавляя огня въ своей всѣхъ оживившей игрѣ. Можетъ быть, этому способствовало то, что послѣ перваго-же вальса къ нему подошла Милли, чтобъ три раза поцѣловать его, и затѣмъ послѣ каждой пьесы самая хорошенкѣя дѣвушка награждала Брамса поцѣлуями. Всегда суровый Брамсъ былъ въ восхищеніи и еще долго спустя рассказывалъ, что провелъ тотъ вечеръ, какъ султанъ.

Новая опера Зигфрида Вагнера «Юный герцогъ-вѣтрогонъ» уже окончена. Дѣйствіе ея происходитъ въ 1760 году въ одномъ изъ маленькихъ германскихъ герцогствъ. Юный повелитель своего немногочисленнаго народа ведетъ слишкомъ веселую жизнь, поддаваясь вліянію одного дурного совѣтника. Фаворитки смѣняютъ одна другую. Въ концѣ концовъ, является недостатокъ въ деньгахъ, и молодой вѣтрогонъ начинаетъ продавать своихъ подданныхъ въ Англію, которая нуждается въ солдатахъ, для отправки въ Америку. Въ герцогствѣ поднимается возмущеніе, и молодого герцога свергаютъ съ престола. Кромѣ дурнаго совѣтника въ герцогствѣ существуетъ еще и добрый, у котораго есть прехорошенькая дочка. За нею масса ухаживателей, въ томъ числѣ и герцогъ. Но она вѣрна своему жениху, который находится въ отсутствіи, но вскорѣ возвращается. Онъ отбиваетъ свою невѣсту у пылкихъ ухаживателей, и даже герцогъ уступаетъ ему. Народъ очень тронутъ исправленіемъ герцога и возвращаетъ ему его права. Либретто нѣсколько смахиваетъ на оперетку; интересно знать, какова музыка.

Нюрнбергская церковь Св. Екатерины фигурируетъ всюду въ первомъ актѣ «Мейстерзингеровъ» Вагнера. Всѣ декораторы воспроизводятъ ее съ поразительной тщательностью, вслѣдствіе чего она стала извѣстной многимъ городамъ. Недавно городское управленіе Нюрнберга отказало мѣстной католической общинѣ въ продажѣ ей этой церкви и порѣшило устроить въ ней музей произведеній искусства, которыми владеетъ этотъ городъ. Кромѣ того, посреди церкви предположено воздвигнуть памятникъ Гансу Саксу.

Письма изъ Кіева.

IV.

Меня упрекнули, почему я ничего не пишу о любителяхъ драматическаго искусства, которыхъ-де развилось въ Кіевѣ видимо-невидимо. Я устыдился и рѣшилъ написать. Въ самомъ дѣлѣ, можно-ли быть равнодушнымъ къ явленію, которое принимаетъ размѣры и характеръ общественнаго бѣдствія? А тутъ кстати подвернулся разговоръ съ однимъ «прикосновеннымъ къ дѣлу лицомъ», утверждавшимъ клятвенно, что любителей драматическаго искусства въ Кіевѣ ни много, ни мало какъ 500 человекъ... 500 человекъ!.. Цѣлый батальонъ добровольцевъ.

— Да гдѣ-же, спрашиваю, они священнодѣйствуютъ-то? Вѣдь на такую уйму народу сценъ въ городѣ нѣтъ.

— Какъ гдѣ? Вездѣ. Въ литературно-артистическомъ обществѣ играютъ, въ коммерческомъ—игаютъ, въ клубѣ велосипедистовъ—тоже, въ музыкально-драматическихъ школахъ играютъ сугубо, въ контрактномъ домѣ—игаютъ, въ помѣщеніи упраздненнаго продовольственнаго пункта, въ мастерскихъ арсенала, въ безчисленныхъ чайныхъ кіевскаго общества трезвости, наконецъ, въ Кирилловскомъ богоугодномъ заведеніи для пріятнѣйшихъ умалишенныхъ и тамъ играютъ! А вы спрашиваете: гдѣ? Не играютъ только въ Драматиче-

скомъ обществѣ, потому, что изъ всего этого общества уцѣлѣли только директоръ распорядитель и секретарь, да и то еще не навѣрное. А что касается сцены, то вѣдь это, что разумѣть подъ сценой..

— То есть какъ, что разумѣть? Сцена, кажется, предметъ довольно опредѣленный, а не аллегорія какая-нибудь.

— Кто говоритъ—аллегорія; не аллегорія, но только и звѣзда отъ звѣзды разнствуетъ... По одежкѣ протягивай ножки... Намъ «mise en scène» не нужны, это, батенька мой, рутина одна. Настоящему неискушенному зрителю подавай сцѣ, а не обстановку и разные тамъ фокусы... Обстановка—это конецъ искусства!

— А у васъ—начало? Шекспировская простота постановки? Легкое возвышеніе изъ досокъ, положенныхъ на опрокинутые табуреты?

— Смѣйтесь, смѣйтесь... Вы лучше-бы прислупались къ тому, что говоритъ пресса.

— Что-же она говоритъ?

— А вотъ прочтите-ка, напримѣръ, что пишетъ г. Эсъ въ «Кіевской газетѣ». Не угодно-ли?

— Нѣтъ ужъ увольте...

— Ну, такъ я прочту.

Собесѣдникъ быстро вынимаетъ газету, отыскиваетъ столбецъ, обведенный краснымъ карандашомъ и начинаетъ читать:

«Наши любительскіе театры». Нѣтъ, кажется такого города въ Россійской Имперіи, гдѣ-бы любительство въ области драматическаго искусства нашло для себя болѣе благодарную почву, чѣмъ у насъ. Это явленіе, само по себѣ, весьма интересное, указывая, во-первыхъ, на то, что такого рода развлеченіе является излюбленнымъ въ кругу кіевской интеллигентной молодежи, а во-вторыхъ, на то, что и публика наша привыкла къ такимъ спектаклямъ и охотно посѣщаетъ ихъ, хотя наряду съ плохими любительскими труппами у насъ имѣется очень хорошая профессиональная. До сихъ поръ, однако, и печать и публика, да, кажется, и сами любители смотрѣли на это занятіе, какъ на пустую забаву, не придавая никакого серьезнаго значенія своимъ затѣямъ. За послѣднее время, однако, вырабатывается и у насъ типъ народнаго театра, дающій за самую ничтожную плату, полезное развлеченіе рабочему классу и тѣмъ отвлекая его отъ кабака и безцѣльной «гулянки».

— Ну дальше ужъ пошла дѣла семейныхъ: оцѣнка отдѣльных исполнителей, пьесы... Ну что вы на это скажете?

— Скажу, что г. Эсъ, должно быть, еще очень молодой и горячій человекъ. Онъ, напримѣръ, приводитъ, какъ доказательство особенной благопріятности кіевской почвы для произростанія любительскаго искусства, что публика, посѣщая упражненія интеллигентной молодежи въ драматическомъ искусствѣ и, вѣроятно, платя за это деньги, до такой степени вошла во вкусъ этихъ упражненій, что стала предпочитать представленія плохихъ любительскихъ труппъ представленіямъ хорошей профессиональной... Что-жъ въ этомъ пріятнаго, если онъ только, извините за выраженіе, не привираетъ, на счетъ вкусовъ кіевской публики.

— Да, конечно, немного странно. Но, можетъ быть, это просто неумѣнье выразиться... Вѣдь онъ-же дальше пишетъ, что въ концѣ концовъ изъ этихъ упражненій вырабатывается народный театръ, а это, согласитесь, уже не шутка!

— Соглашаюсь. Но замѣйте опять-таки странность: все была «пустая забава», а потомъ глядь,—«народный театръ». Неожиданно какъ-то!

— Что значитъ: постепенно? Сегодня «пустая забава», завтра—«интеллигентное развлеченіе», послѣ-завтра—«приложеніе силъ» и «способностей», претензія малая, большая, и въ финалѣ—«народный театръ».—Ну, не сердитесь, больше не стану.

— Пусть будетъ народный театръ. Вы расскажите лучше, въ чемъ же состоятъ «полезныя развлеченія» людей рабочаго класса и почему имъ приписываются почти волшебныя свойства въ дѣлѣ обращенія заблудшихъ на путь истинный? Какія пьесы играютъ?

— Всякія... Репертуаръ у насъ самый разнообразный. Ставили: «Ревизора», «Свадьбу Кречинскаго», «На маневрахъ», «Надо разводиться», «Сорванецъ», всего не перечтешь...

— И дѣйствуютъ?

— Что?

— Да спектакли ваши? Нарушается балансъ винной монополіи? Посмотрѣлъ «человѣкъ рабочаго класса», какъ господа «Сорванца» играютъ и вдругъ отвращеніе къ водкѣ почувствовалъ... Посмотрѣлъ «Надо разводиться» и ощутилъ въ груди волю: хочу быть актеромъ!

— Окарикатурировать все можно. Вѣдь, если-бы всѣ зрители послѣ двухъ спектаклей превращались въ актеровъ, такъ скоро и смотрѣть было-бы некому.

— И не будетъ! Да я не настаиваю на двухъ спектакляхъ. Это зависитъ отъ восприимчивости. У моего пріятеля есть ладѣй, очень способный молодой человекъ, такъ тотъ отъ одного воспылалъ. Прихожу я однажды къ пріятелю, самъ дверь отворяетъ.—А Викторъ, спрашиваю, гдѣ?

— Участвуетъ въ любительскомъ спектаклѣ. Приударяетъ онъ тутъ за одной хорошенькой горничной, ну такъ для сближенія спектакль устраиваетъ... У еягоподъ кухня обширная... Я было не соглашался, да мою пьеску ставить, ну знаете, неловко не поощрить...

— Это ужъ чортъ знаетъ что!

— И вовсе не чортъ знаетъ. Я былъ потомъ на спектаклѣ и если принять во вниманіе которую необычайность помѣщенія и вообще условій спектакля, такъ право недурно... Роли, по крайней мѣрѣ, всѣ исполнители знали твердо... Въдѣ ваши интеллигенты и на это не способны... Г. Мировичъ, напримеръ, удостовѣряетъ, что даже ученики драматическихъ курсовъ г-жи Лѣсневичъ-Носовой не смогли выучить двухъ одноактныхъ вещей для ученическаго спектакля и предлагаетъ «пріучать ихъ къ суфлеру», вродѣ того, какъ молодыхъ собакъ натаскиваютъ.

— Да онъ, можетъ быть, вретъ, вашъ Мирсвичъ!..

— Онъ не мой, а скорѣе вашъ, онъ коллега г. Эсъ по «Кіевской Газетѣ».

— Да вы читайте дальше: «прелестная вещьца Ф. Коппэ прошла вполне хорошо» и вообще первый вечеръ свидѣтельствуется о серьезной постановкѣ дѣла на драматическихъ курсахъ...

— Вьжестъ это по нашему съ утвержденіемъ, что исполнители были, какъ говорится, ли въ зубъ толкнуть?

— Г. Мировичъ — просто благовоспитанный молодой человекъ... Не говорить же ему дамамъ грубости... вотъ онъ и пишетъ: съ одной стороны нельзя не сознаться, а съ другой долженъ засвидѣтельствовать...

— Нѣтъ, позвольте-съ! Причемъ тутъ дамы? Въ оцѣнкѣ общественной дѣятельности никакихъ дамъ быть не должно. А то что-же это такое, помилуйте! Пишетъ человекъ: «Нельзя не порадоваться, что контрактный домъ имѣетъ труппу съ выдающимися силами, состоящую изъ опытныхъ и талантливыхъ исполнителей, игра которыхъ отличающаяся подкупающей простотой и художественностью, способна всецѣло захватить зрителей». А затѣмъ оказывается, что режиссеръ не заботится о срепетовкѣ пьесъ, исполнители не учатъ ролей, да еще, не уча ихъ, позволяютъ себѣ «рискованные приемы» грубаго шаржа, томительныя паузы въ діалогахъ, несвоевременныя выходы и т. д. и т. д.

— Да что вы ко мнѣ привязались, прости Господи, что я ему сватъ, братъ, редакторъ?..

И любитель ожесточенно махнулъ рукой и замолчалъ. Разговоръ, увы, больше не возобновлялся.

Такова наша любительская эпидемія. Эпидемія, вродѣ тѣхъ моральныхъ повѣтрій, о которыхъ писалъ докторъ Корсаковъ... Всѣ играютъ, или стремятся играть на сценѣ... Всѣ, начиная съ г-жи Искры-Гуриной, которая, вѣроятно, помнитъ крещение Руси, и кончая тѣмъ юнымъ гимназистомъ, съ которымъ я ѣхалъ вчера въ вагонъ трамвая. Усѣвшись въ уголокъ и, прикрывая тетрадку латинской грамматикой Кювера, онъ усердно зубрилъ роль Сергѣя Хлыстикова изъ водевиля: «Прежде скончались»...

Н. Николаевъ.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

(Отъ нашихъ корреспондентовъ).

ТИФЛИСЬ. Оперетка г. Дединцева сборы дѣлаетъ не важные. Причина этому, во-первыхъ, чрезмѣрно высокія цѣны, впрочемъ, теперь нѣсколько пониженныя, и, во-вторыхъ, опять шалости электричества, которое на первыхъ-же порахъ погрузило во мракъ театръ дворянства и вынудило пріостановить спектакли на нѣсколько дней. Наконецъ, оперетка мало посѣщается въ виду слабого женскаго персонала. Одной Р. М. Раисовой не управиться, кромѣ же г-жи Раисовой въ труппѣ г-на Дединцева слушать некого; г-жа Лавровская (2-я каскадная) — пѣвица совершенно безголосая, и выпускать ее въ такой отвѣтственной роли, какъ Бетина (Красное Солнышко) значить заранѣе обречь театръ на безлюдіе; г-жа Делина довольно слабая лирическая пѣвица, къ тому-же она больна (инфлуенца и у насъ свирѣпствуетъ) и не поетъ ужъ болѣе недѣли. Есть въ труппѣ каскадная пѣвица г-жа Дальская, но, къ сожалѣнію, она выступаетъ рѣдко, до сихъ поръ она сыграла только Молли въ «Гейшѣ», Катеньку въ «Нашихъ Донъ-Жуанахъ» и «Лису Патрикѣвну». У этой пѣвицы крайне

ограниченный репертуаръ, а жалъ, у нея недурной голосокъ, милая внѣшность, веселость, задоръ... Такимъ образомъ, съ дамами швахъ и кромѣ г-жи Раисовой, пользуется пока успѣхомъ только представительница комическаго элемента г-жа Райчева, которая часто оспариваетъ лавры у своихъ коллегъ-комиковъ гг. Туманскаго и Кошевскаго. Г. Туманскій старый опытный комикъ, хотя не безъ склонности къ шаржу, прекрасно гримируется. Г. Кошевской играетъ совсѣмъ безъ шаржа и ему болѣе всего удаются роли молодыхъ старичковъ, и доновъ и донъ-жуановъ. Простакъ г-нъ Шелиховъ одаренъ подходящей внѣшностью. Второй комикъ г-нъ Ландратъ выдвигаетъ самую маленькую роль. Зато пѣвцовъ также мало, какъ и пѣвицъ, и г. Дальскому также, какъ г-жѣ Раисовой, приходится отдуваться за всѣхъ г. Дальскій очень молодъ, могу сказать, nepозволительно молодъ, красивъ и строенъ. Голосъ пріятенъ, поетъ не много съ цыганскими пошибомъ, играетъ пока посредственно, но, во всякомъ случаѣ, это артистъ съ будущимъ. Баритонъ г. Боковъ обладаетъ слабымъ и жидковатымъ голоскомъ, хотя поетъ довольно музыкально, играетъ плоховато. Другой баритонъ г. Бобринскій разъ единственный выступилъ въ партіи Маркиза (Корневильскіе колокола) и окончательно сконфузился. Хоръ и оркестръ очень не дурны, обставляются оперетки тщательно, насколько это, конечно, возможно при убогихъ декорацияхъ и мебели банковскаго театра. Видна рука опытнаго режиссера В. Улиха. По четвергамъ, когда въ театрѣ дворянства идутъ грузинскіе спектакли, оперетка перекочевываетъ въ кружокъ (мѣстный клубъ) Кстатіи сосбача печальное извѣстіе. Н. И. Кисилевичъ, пріѣхавшій съ труппой Дединцева, заболѣлъ психическимъ разстройствомъ. Доктора констатировали прогрессивный параличъ и несчастнаго на дняхъ отравили въ Одессу.

Въ оперѣ тишь да гладь да Божья благодать, хотя благодаря краткости сезона бенефисы идутъ усиленнымъ маршемъ, по три на недѣлѣ. Новинокъ послѣ «Чародѣйки» не поставлено никакихъ, хотя вотъ ужъ недѣли три извѣщаютъ о томъ, что готовится къ постановкѣ «Лоенгринъ». Г-жа Гушина и г-нъ Орѣшкевичъ, о дебютахъ которыхъ я сообщалъ въ прошлой корреспонденціи, въ труппу не приняты, а взаменъ г. Пиккалучи выписанъ новый италіанецъ (точно нѣтъ русскихъ пѣвцовъ) г. Монтекуки, который выступилъ въ партіи герцога («Риголетто»). О немъ я поговорю въ слѣдующій разъ. Въ бенефисъ г. Сибирякова («Жизнь за Царя») дебютировали двѣ молодыя пѣвицы (мѣстнаго производства) г-жа Беперъ (Антонина) и Михайлова (Ваня). Очень ужъ много въ этомъ году дебютантовъ!

Начались симфоническіе концерты подъ управленіемъ директора Тифлискаго отдѣленія И. Р. М. О. г. Кленовскаго. Концерты устраиваются по понедѣльникамъ въ казенномъ театрѣ и привлекаютъ довольно много публики. Особенно много народа было на 2-мъ концертѣ 11 декабря, когда исполнялась извѣстная Листовская симфонія «Фаустъ», соната г. Римскаго-Корсакова, «Сказка о Царѣ Салтанѣ», и увертюра Берліоза «Король Лиръ». Наибольшій успѣхъ выпалъ на долю сонаты г. Корсакова, послѣдняя часть которой была биссирована.

Имѣлъ на этомъ концертѣ успѣхъ, впрочемъ, подогрѣтый, довольно заурадный пианистъ г. Левинъ... Пенснъ.

УРАЛЬСКЪ. Дѣла товарищества артистовъ подъ управленіемъ г. Викторова вполне опредѣлились. Съ 8-го ноября оставила товарищество артистка Галли-Яновская, которая, по слухамъ, уѣхала въ отпускъ по домашнимъ обстоятельствамъ на 2 недѣли, но не явилась и до сихъ поръ и только 28 декабря появилась вмѣсто нея вновь приглашенная артистка г-жа Казина (ролі *ingénue dramatique*) въ пьесѣ «Арканзавы». Отсутствіе въ товариществѣ артистки на ролі *ingénue dramatique* сильно повліяло на репертуаръ. Всѣ главныя роли въ пьесахъ репертуара до 8-го декабря исполняла г-жа Крельская. Сколько-же ей пришлось потрудиться... Не было ни одного спектакля, въ которомъ она не исполняла бы какойнибудь отвѣтственной роли.

10 декабря появилась въ пьесѣ «Преступница» вновь приглашенная артистка г-жа Лаврецкая-Черкасова. Мнѣ удалось ее увидѣть только въ роли Анисы во «Власти тьмы».

Слишкомъ замѣтно дѣлается отсутствіе въ т-вѣ артиста на роли серьезнаго комика-резонера, — роли эти исполняетъ г. Татариновъ, но серьезный комикъ-резонеръ не его амплуа. Съ 31-го октября начались бенефисы; 1-й бенефисъ г-на Бахчисарайцева «Честь» и «Русскія пѣсни въ лицахъ», прошелъ съ среднимъ сборомъ. 10 ноября — бенефисъ Татаринова — «Вааль» и «Помолвка въ галерной гавани» — сборъ былъ средній; 16-го ноября бенефисъ Дубровскаго — «Нечай Ногаевъ» и «Война Англіи съ бурами» — сборъ выше средняго; 8-го декабря бенефисъ г. Кремлева — «Сынъ Императора» и «Не бывать бы счастьемъ, да несчастье помогло» — сборъ почти полный. Кремлевъ артистъ способный, хотя холодноватый. На 3 января 1901 года назначенъ бенефисъ г-жи Крельской.

Изъ игранныхъ пьесъ отиѣтитъ исполненіе только тѣхъ, которые небыли играны въ г. Уральскѣ: «Преступленіе и Наказаніе» прошло вполне удачно. Наименѣе удалась роль

Мармеладова г. Бахчисарайцеву. Были пром.хи въ постановкѣ, подчасъ смѣшныя. «Смерть Іоанна Грознаго» была поставлена прилично; Дубровский—Іоаннъ Грозный и г. Бахчисарайцевъ въ роли Бориса Годунова были удовлетворительны. «Царь Ѳедоръ Іоанновичъ» прошелъ также съ успѣхомъ.

Валовой сборъ съ 1-го октября по 25-е декабря включительно—5298 рублей. По городу сборъ этотъ можно считать вполне достаточнымъ для т.ва, въ которомъ не всѣ амплуа были заняты соответствующими артистами. Списокъ пьесъ, игравшихъ за этотъ періодъ времени слѣдующій: 1) «По гривнику за рубль»; 2) «Дядя Ваня»; 3) «Идіотъ»; 4) «На зыбкой почвѣ»; 5) «Закатъ»; 6) «Тридцать лѣтъ или жизнь игрока»; 7) «Невинно осужденный»; 8) «Заза»; 9) «Измаилъ» (2 раза); 10) «Честь»; 11) «Коварство и любовь»; 12) «Графъ де Ризооръ»; 13) «Любовь и предразсудокъ»; 14) «Разбойники»; 15) «Вааль»; 16) «Князь Михайло Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій»; 17) «Уголокъ Москвы»; 18) «Бояринъ Нечай Ногавъ»; 19) «Безъ вины виноватые»; 20) «Гамлетъ»; 21) «Новый мѣръ» (2 р.); 22) «Отелло»; 23) «Гайдамакъ Гаркуша»; 24) «Преступленіе и Наказаніе» (2 р.); 25) «Смерть Іоанна Грознаго» (2 р.); 26) «Мининъ и Пожарскій»; 27) «Сынъ Императора»; 28) «Преступница»; 29) «Вторая молодость»; 30) «Ограбленная почта»; 31) «Власть тьмы»; 32) «Царь Ѳедоръ Іоанновичъ»; 33) «Школьный учитель и Чортова полянка».

Кромѣ спектаклей въ городскомъ театрѣ даются, хотя и рѣдко, спектакли въ Пушкинскомъ домѣ (составъ любителей) для народа; устроителемъ спектаклей является коммисія «народныхъ развлеченій» при обществѣ о начальномъ образованіи при Уральскомъ казначествѣ войскъ. Составъ любителей вообще слабъ; между любителями замѣтно отсутствіе опытнаго руководителя по режиссерской части. *Воротковъ*.

НАЛУГА. Антрепренеромъ нашего театра является мѣстный житель Н. Д. Тиллингъ, извѣстный болѣе въ театральномъ мѣрѣ подъ псевдонимомъ Г. Кручинина. Онъ когда-то «культировалъ» оперетку въ Закарпатскомъ краѣ. Возвратившись обратно въ Калугу, на свою родину, онъ вопелъ съ холатайствомъ въ нашу городскую управу съ просьбою о сдачѣ ему театра въ аренду на шесть лѣтъ. Управа сдала театр—довольно старый, деревянный, существовавшій уже 26-ой годъ, безвозмездно, но... съ тѣмъ, чтобы антрепренеръ взялъ на себя весь внѣшній и внутренній ремонтъ, платилъ за страховку имущества, хранищагося въ театрѣ, держалъ годового сторожа, отапливалъ, снабжалъ водой и кромѣ того за 50 р. въ вечеръ въ теченіе сезона отдавалъ *три спектакля*. Кромѣ того, всѣ доходныя статьи идутъ въ пользу города. Г. Тиллингъ Кручининъ на такихъ «льготныхъ» условіяхъ взялъ театръ на 6 лѣтъ.

Такова справедливость. Отлагодъ никада негоднзе зданіе, заставляють истратить на его ремонтъ болѣе 6 тысячъ, заставляютъ платить сторожу, топить, снабжать водой, страховать, а доходы съ этого зданія забирають въ свою пользу.

Благодаря такимъ благодѣяніямъ со стороны городской управы, вотъ какія пертурбаціи произошли въ дѣлѣ Г. Тиллинга-Кручинина, конечно, отдѣлавъ театръ, истратилъ свои деньги. Купилъ электрическую машину. Собралъ опереточную труппу, и настолько хорошую, что иногда добавляя нѣсколько персонажей изъ Москвы, имѣлъ возможность ставить оперные спектакли, которые шли съ ансамблемъ. Такъ за нынѣшній сезонъ до праздниковъ Рождества, калужане прослушали слѣдующія оперы: «Жизнь за Царя», «Демонъ», «Карменъ», «Трубадуръ», «Галька», «Аскольдова могила» и «Травиата».

Но нынѣшнимъ временамъ не только оперно-опереточную, но и драматическую труппу хорошую составить—стоитъ очень и очень большихъ денегъ. Объ этомъ, однако, никто не думаетъ. И такъ, г. Тиллингъ-Кручининъ открылъ двери своего театра 29 сентября.

Волей неволей пришлось взять въ пайщики нѣкогого Ч. Компаніонъ этотъ Ч.—хотя по фамиліи—птица не велика, но, какъ говорятъ, обладаетъ деньгами. До вступленія въ пайщики социальное положеніе г. Ч. имѣло нѣкоторое соприкосновеніе къ театальному искусству: онъ когда-то умѣлъ играть на скрипкѣ. Въ нѣкоторомъ родѣ все-таки артистъ.

Въ теченіе перваго мѣсяца антрепренеръ г. Тиллингъ-Кручининъ далъ 14 спектаклей въ нашмъ городѣ, еще три спектакля въ Тулѣ. За всѣ эти представленія было выручено 5164 рубля. Въ репертуаръ вошли слѣдующія оперетки: «Цыганскій Баронъ» (784), «Маскотта» (374), «Китай» (160), «Продавецъ птицъ» (150), «Елена» (385), «Зеленый островъ» (130), «Нищій Студентъ» (140), «Мушкетеры» (125), «Рудокопы» (450), «Жирофле» (90), «Орфей въ аду» (420). Кромѣ этихъ оперетокъ были поставлены три оперы «Галька» (625), «Жизнь за Царя» (485) и «Аскольдова могила» (400). За второй мѣсяцъ валовая цифра сбора нѣсколько увеличилась и достигла уже до 5,700 руб. Вдругъ несчастье, антрепренеръ заболѣлъ инфлуэнзой съ разными «осложненіями», не имѣя возможности вести лично свое предпріятіе, онъ призываетъ своего пайщика и проситъ принять это на себя вкупѣ со всей хозяйственной частью. Тогда разыгралась цѣлая эпопея съ финаломъ въ концыларіи г. полицеймейстера. Г. Ч. изъявилъ желаніе принять на себя хозяйственную часть, но потребовалъ, чтобы былъ слѣланъ съ нимъ формальный нотаріальный до-

говоръ вплоть до Великаго поста, и чтобы онъ, Тиллингъ, слѣлалъ съ нимъ фиктивную запродажу на всѣ костюмы, которые принадлежали г. Тиллингу. Положеніе г. Тиллинга было безвыходное и онъ согласился на все. Съ 17-го ноября г. Ч. сталъ принимать всѣ сборы, поступавшіе въ кассу театра. За это время къ нему поступило денегъ изъ кассы около 4,600 р. Вслѣдствіе самоуправства за кулисами начались ссоры, недоразумѣнія. Г. Ч. не обращалъ на протесты ни малѣйшаго вниманія, и заплативъ по договору жалованье до 29 ноября, рѣшилъ больше денегъ не давать никому. Отправились къ г. полицеймейстеру, полагая, что въ полиціи есть залогъ.

Увы и ахъ,—полное разочарованіе—залогъ не оказалось. «Взгляните на афишу, сказано было артистамъ,—что спектакли идутъ товариществомъ, подъ управленіемъ г. Тиллинга и подъ администраціей г. Ч.». Этой рубрики до вступленія въ хозяйственную часть г. Ч. не было. Когда все выяснилось, г. полицеймейстеръ рѣшилъ вызвать прежде всего для объясненія г. Тиллинга и Ч. Въ результатѣ г. Ч. отстранили отъ дальнѣйшихъ распоряженій по театру, представили г. Тиллингу удовлетворить всѣхъ служащихъ по 18 декабря, затѣмъ отобрали отъ артистовъ подписку, что они разрѣшаютъ ему, полицеймейстеру, начиная съ праздниковъ вплоть до поста принимать всю кассу приставу и сдавать ее въ полицейское управленіе.

Г. Тиллингъ снова совершилъ заемъ въ 1000 руб., удовлетворилъ всѣхъ жалованьемъ въ суммѣ $\frac{2}{3}$ съ мѣсячнаго оклада.

Калужская публика была настолько отзывчива, что когда появилась афиша о бенсфисѣ Тиллинга 21-го декабря, то театръ былъ совершенно пустъ. Городская управа оказала бенефицианту особенное сочувствіе. Наканунѣ бенсфиса утромъ 20 декабря, въ театрѣ случился маленькій пожаръ въ одной изъ уборныхъ, вслѣдствіе котораго пришлось исправить печку—и какъ можно скорѣе. Управа приказала исправить таковую немедленно за счетъ г. Тиллинга. И съ печкой, можно сказать, нагрѣли бенефицианта.

Если я описываю всѣ эти подробности о нѣшемъ Калужскомъ театрѣ, то только потому, что ввиду предстоящаго съѣзда Великимъ постомъ сценическихъ дѣятелей, мнѣ бы хотѣлось обратить вниманіе на главный вопросъ—о сдачѣ театровъ, принадлежащихъ городамъ. Почему не поставить это дѣло, какъ въ Ригѣ. Въ Ригѣ всѣ обыватели платятъ самую ничтожную годовую сумму на поддержаніе городского театра—это разъ. Затѣмъ всѣ появляющіеся въ Ригу концертанты, артисты, цирки, фокусники, обязаны со своихъ представленій платить извѣстный процентъ въ пользу городского театра. Собирая значительныя средства на поддержаніе театральнаго дѣла, Рижская дума даетъ обывателямъ: 1) Чудный театръ со всѣми удобствами и усовершенствованіями. 2) Три труппы, драматическую и опереточную. 3) Спектакли круглый годъ. 4) Имѣетъ свой собственный оркестръ. 5) За храненіе платя беретъ всего 5 коп. 6) Цѣны мѣстамъ доведены до минимума. Я самъ платилъ за первый рядъ креселъ одинъ рубль—спектакль шелъ особенный. Вагнеръ дирижировалъ своей оперой, шедшей въ первый разъ. 7) Цѣны въ буфетахъ—тоже баснословно дешезизны. Театральный налогъ составляетъ отъ 1 р. до 5 руб.

У насъ городскихъ театровъ болѣе 40, и по моему думу должны сами эксплуатировать ихъ, а не сдавать.

Азъ Грышный.

КОВНО. Въ нашмъ народномъ театрѣ сезонъ открылся 27-го октября драмой «Каширская старина». Къ сожалѣнію, по болѣзни я не могъ присутствовать на первомъ спектаклѣ.

По словамъ мѣстныхъ «Губернскихъ вѣдомостей», драма была поставлена и обставлена хорошо. Дальнѣйшій репертуаръ былъ слѣдующій: «Семья преступника», «Грѣхъ попуталъ», «Вольная птичка», «Пѣснь горя» и «Предложеніе», «Роковой шагъ» и «Вспышка у домашнего очага», «Право любить» и «Молчаніе», «Свадьба Кречинскаго» и «Хитрый армянинъ», «Ремесленникъ и вельможа», «Эсфирь, дочь Израиля», «Волки и овцы» и «Голь на выдумки хитра».

Изъ перечисленныхъ пьесъ остановлюсь на комедіяхъ «Свадьба Кречинскаго» и «Ремесленникъ и вельможа».

Исполненіе первой пьесы нельзя признать удачнымъ. Г. Чарскій въ роли Кречинскаго былъ мѣстами, какъ въ 3-мъ актѣ, даже слабъ. Г. Громовъ—далъ довольно законченный образъ Расплюева. На его долю выпалъ шумный успѣхъ. Исполнитель роли Муромцева, выступившій подъ фамиліей г-на Свѣтловскаго, оказался весьма слабымъ: сцены вель вяло, безжизненно, читка у артиста слишкомъ однообразна и малообразительна, мимика слаба. Г-жа Стругина—очень хорошая Анна Антоновна. Г. Поляковъ—весьма недурный Нелькинъ. Роль Лидочки была поручена любительницѣ драматическаго искусства З. Н. Свиной, о которой два слова... Впервые она выступила въ шуткѣ «Задача № 1371», въ роли Нины, и не безъ успѣха. Я тогда-же указалъ артисткѣ на недостатки ея игры: нѣкоторую вялость, отсутствіе оживленія и жизнерадостности, столь присущихъ дѣвушкамъ того возраста, которую она изображала. Г-жа Свина, однако, обнаружила проблески дарованія, что, въ связи съ ея красивою сцениче-

скою вѣщностью и врожденной граціей даютъ ей шансы на успѣхъ, при условіи настойчивой и серьезной работы надъ собою. Но работы эти я не замѣчаю: роль Лидочки г-жа Савина провела очень вяло и безстрастно... Читка у нея крайне монотонна, мимика мало выразительна. Кстати, добрый совѣтъ г-жѣ Савиной: переименовать фамилію. Настоящая кажется претенціозной и слишкомъ громкой для начинающей артистки.

Въ пьесѣ «Ремесленникъ и вельможа» наибольшій успѣхъ выпалъ на долю г. Архипова въ роли Огюста.

Г. Чарскій оказался прекраснымъ Матѣе Ломбардѣ. Г-жа Морева въ роли Жюльетты мнѣ не понравилась: у артистки есть не похвальная манера впадать въ излишній драматизмъ.

Сборы въ Народномъ театрѣ не важны. Въ этомъ году спектакли ставятся два раза въ недѣлю: по пятницамъ и воскресеньямъ, начинаются въ 7½ час. в. и оканчиваются къ 11½ час. в. при постановкѣ же обстановочныхъ пьесъ не позже 12 час. ночи. Это большое удобство для трудящагося люда, составляющаго главный контингентъ посѣтителей Народнаго театра, такъ какъ даетъ имъ возможность отдохнуть предъ выходомъ на работу. Театръ въ этомъ году имѣетъ очень приличный видъ и освѣщается электричествомъ. Играетъ въ немъ очень хорошій оркестръ 110-го пѣх. Камскаго полка подъ управленіемъ даровитаго капельмейстера г-на Борознина. Жаль только, что «комитетъ попечительства о народной трезвости», вѣдающій народнымъ театромъ, не обратилъ должнаго вниманія на то, что сценическія подмостки слишкомъ высоки по отношенію къ партеру. Это необходимо исправить. Кромѣ того, декорацій очень мало: дѣйствіе почти всегда происходитъ въ одной и той-же комнатѣ.

М—овъ.

ЯРОСЛАВЛЬ. Послѣ цѣлаго ряда пьесъ мрачнаго содержанія, — «Идиотъ» (2 раза), «Преступленіе и Наказаніе» (2 раза), «Власть тьмы», — начавшаго уже утомлять нервы ярославцевъ и возбуждать ихъ ропотъ, — дирекціей г. Дарскаго былъ поставленъ наконецъ «Уриэль-Акоста», съ самимъ г. Дарскимъ въ заглавной роли. Я не скажу, чтобы пьеса была поставлена хорошо. Старая, уже прѣвѣвшая декорация, все та-же старая бѣлая мебель съ красной обивкой, безмѣнно стоявшая въ каждомъ дѣйствіи, помостъ съ зиявшими щелями и трехногий современнаго фасона столикъ съ надломленной ножкой и со скатертью, съ которой еще не былъ снятъ ярлычекъ изъ магазина... Все это знакомыя картины и, сказать кстати, — очень далека отъ образцовыхъ постановокъ тѣхъ первыхъ спектаклей, которыми такъ удивлялъ насъ въ началѣ сезона г. Дарскій. Но за то разыгранъ «Уриэль-Акоста» былъ отлично. За послѣдніе пять лѣтъ эта пьеса шла въ Ярославлѣ 2 раза: одинъ разъ съ Южинымъ въ заглавной роли, и другой — съ Мавринимъ. Но такого знанія ролей, такого грима и костюмовъ я не видѣлъ въ оба эти раза. Ансамбль былъ тоже лучше. Исполненіе очень понравилось публикѣ. Особенно понравились: самъ г. Дарскій, г. Колесовъ (Де-Сильва) и г-жа Васильева (Эсфирь). Къ сожалѣнію, фигура г. Дарскаго не могла дать того величественнаго впечатлѣнія, которымъ обладаютъ фигуры Южина и Маврина. Г. Дарскій чрезвычайно искусно отбѣнилъ въ Уриѣль его еврейство и въ то-же время христіанское всепрощеніе — эти два противоположныя начала, нивелировавшись подъ влияніемъ философскихъ доктринъ Акосты. Это былъ философъ, отрѣшившійся отъ всего, что составляло суть жизни его среды, что сковывало ее со всѣхъ сторонъ, и въ то-же время человекъ со всѣми его страданіями и горемъ. Поэтому я совершенно не могу согласиться въ мнѣніемъ рецензента «Сѣвернаго Края», что «общечеловѣкъ, философъ или любящій Дарскимъ затушуются» и что на первый планъ въ его исполненіи выступаетъ «національное, семитическое упорство». Г-жа Васильева свою нѣсколько мелодраматическую роль провела очень просто, искренно и трогательно; особенно понравился публикѣ ея гримъ. Г. Колесовъ — очень серьезный артистъ. Я видѣлъ его въ роляхъ Сорина («Чайка») и Дикого («Гроза»); теперь же онъ выступилъ передъ нами въ роли Де-Сильвы. Во всѣхъ этихъ трехъ роляхъ, даже опытнымъ глазу, трудно было узнать, что это одинъ и тотъ-же г. Колесовъ. Еще два слова по поводу гостей. Гости играли не статистики, а аргистики, имена которыхъ не разъ упоминались въ рецензіяхъ. Казалось-бы, отъ нихъ можно было-бы ожидать гораздо большаго участія къ происходившему на сценѣ, чѣмъ отъ простыхъ статистокъ. А между тѣмъ сцена смерти Юдины проходила для нихъ такъ, точно они отбывали повинность.

За послѣднія двѣ недѣли были поставлены, между прочимъ, слѣдующія пьесы: «Бѣшенныя деньги» (2 раза), «Смерть Иоанна Грознаго» (2 раза), «Родина», «Новообращенные» и «Романтики». Изъ всѣхъ этихъ пьесъ лучше другихъ были поставлены и разыграны «Бѣшенныя деньги» и «Романтики». Въ первой изъ нихъ ансамбль былъ прекрасный. Г-жи Будкевич (Лидія) и Васильева (ея мать) придали ролямъ своеобразные оттѣнки. Прекрасно провели свои роли г. Волховскій (Кучуковъ) и Горинъ - Гульшинъ (Телятевъ). Въ «Романтикахъ» пальма первенства досталась г-жамъ Дарской (Сильветта) и Будкевичъ (Персине). На нихъ, можно сказать, держалась вся пьеса. Ихъ прекрасная читка, задушевный тонъ, стильные

костюмы и тотъ неумолимый «l'esprit de l'époque», который для другихъ артистокъ, быть можетъ, оказался-бы менѣе доступнымъ, — очаровывали зрителей. Сцена на сценѣ, полная романтической наивности была проведена ими художественно. Къ сожалѣнію, декорация въ «Романтикахъ» нѣсколько не соответствовала тому стилю Ватто, въ которомъ построена вся эта пьеса.

Въ послѣднее время сталъ пользоваться въ Ярославлѣ большимъ успѣхомъ г. Загаровъ. До сихъ поръ онъ появлялся передъ нами во второстепенныхъ роляхъ, но послѣ того какъ по болѣзни Харламова, экспромтомъ сыгралъ въ «Родинѣ» роль пастора, онъ сразу завоевалъ себѣ симпатіи. Въ Гарабурдѣ («Смерть Иоанна Грознаго») онъ еще больше понравился публикѣ.

Объявлены къ постановкѣ: «Честь», «Дмитрій Самозванецъ» и «Дядя Ваня».

М. П. Чех — въ.

ВИЛЬНА. Грустью вѣетъ отъ рождественскаго репертуара. Невольно вспоминается «доброе старое время» въ лицѣ К. Н. Незлобина съ нынѣшнею виленскою театральною дирекціей, съ директорами, сублидиректорами, членами распорядителями, членами режиссерами и т. д. Совѣтъ департаменту Театръ не канцелярія и бюрократическій принципъ: «чинъ чина почитай» въ немъ неумѣстенъ, театръ только тогда и силенъ, когда подвизающаяся на его подмосткахъ труппа сплошена не трепетомъ и смиреніемъ, а той искренней любовью къ искусству, которая связываетъ ее въ одну семью, гдѣ нѣтъ начальствующихъ и подчиненныхъ въ строгомъ смыслѣ слова. Репертуаромъ, очевидно, завѣдуетъ одинъ изъ столоничниковъ театрального департамента. Играютъ сегодня «Двѣ судьбы», завтра «Два подростка», послѣзавтра «За монастырской стѣной», вчера «На вѣчную каторгу», третьяго дня «Путешествіе вокругъ свѣта въ 80 дней» и проч. Труппа достаточно сильна отдѣльными исполнителями. Г-жи Алексѣева, Яблочкина, Каренина, Кварталова, гг. Смирновъ, Никулинъ, Звѣдичъ, Норинъ, могли бы справиться и съ другимъ репертуаромъ. Но онъ не въ фаворѣ. А текуція новинки сезоннаго репертуара? Увы, и ихъ театральная дирекція не признаетъ. Какъ будто нечаянно была поставлена кисло-сладкая пьеса Лухмановой «Сибирскій Риголетто», а затѣмъ... все стихло. Появился было анонсъ и о «Буреломѣ», но дальше анонса не пошло.

А труппа, — какъ я уже сказалъ, — не изъ слабыхъ.

Изъ отдѣльныхъ исполнителей, — прежде о дамахъ, — первое мѣсто принадлежитъ (я не говорю о такихъ установившихся репутаціяхъ, какъ г-жи Алексѣева и Яблочкина) г-жѣ Карениной. Это артистка, прежде всего, съ душой и душой тонко чувствующей и восприимчивой самую суть исполняемой роли, обнаженный нервъ ея. Игра ея ровная, безъ подчеркиваній и аффектацій, выдержанная; создаваемые образы мягки и рельефны; общій тонъ игры нѣсколько приподнятый, но закрывающийся. Тихій, теплый талантъ, хотѣлъ бы я сказать о г-жѣ Карениной, попросивъ заранѣе извиненія за смѣлость эпитетовъ. Г-жа Кварталова — очень и очень молодая артистка. У нея имѣются на лицѣ всѣ данныя выработаться въ крупную величину, за исключеніемъ одного, пока легко поправимаго, — школы. Къ сожалѣнію, г-жа Кварталова не обнаруживаетъ тенденціи къ совершенствованію. Въ этомъ отношеніи она похожа на г-жу Орликъ. Отсутствие школы у послѣдней даетъ себя чувствовать на каждомъ шагѣ, ея жестъ вульгаренъ, рѣчь недостаточно дисциплинирована въ смыслѣ оттѣнковъ и разумной градаціи; къ этому часто присоединяется непониманіе роли. Такъ, напримѣръ, играя Марью Антоновну въ «Ревизорѣ», г-жа Орликъ изображала не то какую-то испорченную институтку, не то просто полоумную. Г-жа Васильчикова, скромно подвизавшаяся у г. Незлобина на вторыхъ роляхъ, волею дирекціи возведена въ санъ *grande-coquette*, и совершенно напрасно. Г-жа Васильчикова во всякомъ случаѣ не *grande-coquette*, ея скромное дарованіе скорѣе приспособлено къ бытовымъ ролямъ, о чемъ свидѣлствуетъ широкій жестъ, грубоватый голосъ и вообще, нѣкоторая вульгарность общаго. Въ салонныхъ роляхъ г-жа Васильчикова пока не идетъ дальше и пальбы глазами по партнеру и богатаго гардероба. Объ остальныхъ исполнительницахъ и о мужскомъ персоналѣ до слѣдующаго раза.

Эмб.

ЕЛЕЦЪ. За мѣсяцъ — съ 22 декабря по 22 ноября, — не смотря на глухое время сезона и отвратительную гниющую осень, сборы были хороши настолько, что дали антрепривзъ нѣкоторый оостатокъ. Елецъ долженъ имѣть свою театральную публику, ибо онъ имѣетъ окружный судъ, 2 гимназіи, городское IV классное училище, 2 техническихъ — низшее и среднее, 4 желѣзныя дороги, отдѣленіе государственнаго, 2 частныхъ банка и т. д. Только елецкая публика достаточно избалована, вслѣдствіе близости и постоянныхъ сношеній съ большими городами Москвой, Киевомъ, Харьковомъ и т. д. Поэтому хорошая труппа изъ Ельца по шпаламъ не пойдетъ, а слабой — не слѣдуетъ и заглядывать въ Елецъ.

Хорошая труппа, нагр., малороссовъ (Суслова) ухитрилась за 2 недѣли выручить 4800 руб.

Но кромѣ состоятельной интеллигенціи, имѣющей возмож-

ность по своимъ средствамъ посѣщать театрѣ, есть еще особая публика, мало знакомая съ театромъ, на которую, однако, давно-бы слѣдовало обратить вниманіе и—дать ей возможность попасть въ театральную залу. Я говорю о мелкомъ чиновничествѣ, учителяхъ низшихъ школъ (въ Ельцѣ 8 низш. училищъ), конторщикахъ, приказчикахъ и проч.

По договору съ дирекціей Понормовъ ставить по одному «общедоступному» спектаклю въ недѣлю. Цѣны доведены до минимума и, несмотря на будній день, театръ бываетъ почти полонъ. Эти спектакли самые интересные. Публика особая, интересующаяся, внимательная и очень отзывчивая. Изъ новинокъ—для Ельца—былъ данъ «Идіотъ», недурно разыгранный и довольно эффектно (послѣд. актъ) поставленный.

Кромѣ того, были недурно поставлены «Отцы и дѣти», Хороши были старики Базаровъ—Ураловъ и Иконникова. «Ревизоръ», сошелъ неважно: утрированно играли и Панормовъ Хлестакова и Невѣровъ—Городничего, не типичныя Осипъ—Ураловъ, Добчинскій и Бобчинскій и пр. Вторая классическая пьеса «Разбойники» была исполнена такъ, что объ исполненіи ея лучше и не вспоминать.

Всѣ недочеты въ постановкахъ я не могу отнести исключительно къ такъ называемымъ режиссерскимъ промахамъ. На это дѣло слѣдуетъ взглянуть поглубже. Въ большой труппѣ режиссеръ всегда можетъ замѣнить строптивого ослушника—исполнителя, можетъ потребовать, чтобы свободные въ спектаклѣ актеры вышли вмѣстѣ со статистами и т. д. Но что онъ сдѣлаетъ въ маленькой провинціальной труппѣ? Къ-мъ и какъ онъ замѣнитъ актеровъ, не исполняющихъ его требованій? Въ малой провинціальной труппѣ режиссеръ—самый несчастный человѣкъ! Въ заключеніе два слова о Мочаловскомъ юбилеѣ. Онъ былъ отпразднованъ съ возможной торжественностью. Въ перечнѣ присланныхъ телеграммъ не было упомянуто Елецъ. Текстъ елецкой телеграммы былъ слѣдующій: «Елецкое музыкально-драматическое Общество и драматическая труппа во главѣ съ Понормовымъ-Сокольскимъ единодушно присоединяются къ чествованію всею Россіей великаго Мочалова».

Въ этотъ день поставили безсмертную комедію Грибоѣдова въ новой обстановкѣ (новая декорация 4 д.) и въ костюмахъ того времени. Не могу не упомянуть объ очень странномъ обстоятельстве. Гимназическое начальство запретило воспитанникамъ посѣщать театръ въ будніе дни. Поэтому «Ревизоръ», «Горе отъ ума», «Разбойники» и проч. прошли безъ учащейся молодежи, на долю которой выпадаютъ «Герой отечественной войны или Наполеонъ I въ Россіи», «Иванъ Сулавинъ» и т. п. пьесы, правда, патріотическія и очень одобряемыя воскресной публикой, но все-же не служащія къ «общедоступному» образованію молодежи. Теперь во воскресеніи рѣшили ставить Островскаго, Писемскаго и даже Шекспира.

Азъ.

ВОРОНЕЖЪ. Послѣ долгаго ожиданія, мы увидѣли на нашей сценѣ впервые «Царя Ѳедора Іоанновича». Многіе отнеслись недоувѣрчиво къ возможности постановки такой сложной пьесы на нашей сравнительно небольшой сценѣ. Однако, пьесы прошли хорошо. Обстановка—для Воронежа была прекрасная. Такихъ декораций, костюмовъ, бутафорій мы еще никогда на нашей сценѣ не видѣли,—все это было достаточно выдержано и эффектно. Роли исполнители знали безукоризненно. Царя Ѳедора изображалъ г. Агаревъ, еще не совсѣмъ оправившійся отъ болѣзни, и произвелъ на публику громадное впечатлѣніе, хотя его игра отличалась неровностью и подчасъ излишней слезливостью. На второмъ представленіи г-нъ Агаревъ былъ лучше. Г. Тройницкій (Ив. Шуйскій), г. Сабининъ (Кн. Шаховской), г. Веченовъ (Кураковъ), г-жа Струсъ (Кн. Мстиславская), г-жа Матрцова (Волохова) исполнили свои роли очень хорошо. Слабѣ другихъ, сравнительно, были: г-жа Лодина (Ирина) и г-нъ Верховскій (Борисъ). Трагедія была поставлена подлѣ личнымъ режиссерствомъ А. А. Линтварева, который показалъ себя съ этой стороны мастеромъ дѣла. По окончаніи 9-й картины, публика нѣсколько разъ вызывала г. Линтварева. Черезъ всю почти сцену тянулся настоящій деревянный мостъ. Рѣка Яуза съ настоящей же волдой, въ которой бабы мыли бѣлье, мальчики ловили удочкой рыбу, другіе бабы таскали ведрами воду, рыбаки на другомъ берегу раскидывалъ сѣти. До появленія на сцену Курюкова съ гусяромъ въ продолженіи двухъ-трехъ минутъ публика видѣла, какъ бы вставную картину уличнаго движенія. По разнымъ направленіямъ сновалъ народъ. Тутъ проходили плотники, бондари, продавцы съ лотками на головахъ, бабы съ поросятами, птицей и прочей живностью, нищіе, слѣпцы, маленькіе мастеровые, дерущіеся и играющіе въ лошадики мальчишки, провозили ручныя повозки, нагруженныя товаромъ, катили по улицѣ бочки. Изрѣдка проходили бояре. Все это давало полную иллюзію. Наконецъ, гонецъ галопомъ проскакавшій на лошади черезъ всю сцену и общая свалка народа со стрѣльцами,—довершили эффектъ этой картины. На второмъ представленіи г. Линтваревъ получилъ отъ публики, при громѣ дружныхъ аплодисментовъ, лавровый вѣнокъ съ лентой, на которой была напечатана благодарность

отъ публики за хорошую постановку хорошей пьесы. Трагедія шла два дня подрядъ при полныхъ сборахъ.

А. С.

СМОЛЕНСКЪ. Наконецъ, вопросъ о постройкѣ городского театра рассмотрѣнъ смоленской городской думой и переданъ на обсужденіе театальной комисіи. Театръ въ Смоленскѣ сгорѣлъ въ 1888 году, и съ тѣхъ поръ городская дума ни разу не подумала серьезно о постройкѣ новаго театра. По плану, выработанному управой, предполагается построить театръ только на 550 человѣкъ, но нѣкоторые гласные уже теперь заявили въ думѣ, что театръ на 550 человѣкъ будетъ малъ и театральная комиссія, нужно полагать, приметъ это заявленіе къ свѣдѣнію. Сгорѣвшій театръ также не отличался вмѣстительностью и антрепренеры всегда жаловались на это. Смѣта на постройку исчислена управой въ 50 тысячъ рублей. Остается пожелать, чтобы комиссія не затягивала обсужденіе вопроса о театрѣ, въ которомъ такъ нуждается Смоленскъ.

Режиссеръ театра народнаго дома г. Алякринскій вынужденъ оставить сцену этого театра, какъ говорятъ, вслѣдствіе недоразумѣній съ директоромъ театра, г. Вороновскимъ (авторомъ любопытныхъ приказовъ по театру, напечатанныхъ въ «Театр. и Иск.»). Новымъ приглашеннымъ режиссеръ, г. Нарскій, ставитъ 1-го января «Урѣзъ Акусту» и выступаетъ въ заглавной роли. Любители, упражняющіеся на сценѣ народнаго театра, опечаленные отставкой г. Алякринскаго, хотѣли сначала бросить этотъ театръ, но, къ сожалѣнію, этого не сдѣлали... Многіе изъ любителей и любительницъ рѣшили играть съ г. Нарскимъ.

27-го декабря въ залѣ думы былъ устроенъ литературно-музыкальный вечеръ, посвященный памяти Н. А. Некрасова (23-я годовщина со дня смерти поэта). Біографію поэта прочиталъ А. А. Епифанскій, а стихотворенія его гг. Цезаревскій и др. Вечеръ привлекъ много публики и прошелъ оживленно. Литературные вечера, посвященные русскимъ писателямъ, устраиваются по общедоступнымъ цѣнамъ.

ПОЛТАВА. Италіанская опера г-жи Кастеллано, гастролировавшая у насъ съ 1 дек. по 20 дек., сдѣлала довольно хороша дѣла, взявъ за 16 спектаклей 8800 руб., при вечерновомъ расходѣ около 450 руб. О скандальномъ происшествіи съ двумя подравшимися пѣвицами читателямъ уже извѣстно. Этотъ инцидентъ и пришелся больше всего по вкусу нашей публикѣ, такъ какъ послѣ этого успѣха оперы пошелъ crescendo.

На смѣну г. Кастеллано пріѣхала драматическая труппа подлѣ упр. г. Карамзина. Г. Карамзинъ, пріѣхавъ раньше, заключилъ контрактъ съ Городск. Управленіемъ, внесъ залогъ за театръ, выпустилъ анонсы объ началѣ спектаклей и спокойно уѣхалъ обратно въ Минскъ, выполнѣ увѣренный, что 20 декабря откроетъ сезонъ. Но не тутъ-то было. За нѣсколько дней до открытія онъ присылаетъ своего управляющаго артиста Пронскаго для выпуска первой афиши, но ему не разрѣшаютъ спектаклей и требуютъ еще залога, на случай, если дѣла труппы пойдутъ плохо. На всѣ его просьбы, на всѣ его заявленія, что почему не брали залога съ Кастеллано, ему только отвѣтили, что мы дескать уже драмой научены. Только благодаря тому, что въ этомъ дѣлѣ заинтересовано чисто матеріально наше городское управленіе, удалось получить разрѣшеніе. Однако, въ публикѣ чуть не въ тотъ же день знали что «не разрѣшаютъ» и сейчасъ же составили себѣ мнѣніе, что видно труппа плохая. Для открытія, 22 декабря, былъ поставленъ «Ревизоръ».

Nemo.

РЕПЕРТУАРЪ

Императорскихъ с.-петербургскихъ театровъ

съ 8-го по 14-е января 1901 года.

Александринскій театръ. Въ понедѣльникъ, 8-го января: «Трагедія о Гамлетѣ, принцѣ Датскомъ», 9-го: «Синѣгурочка», 10-го: «Выгодное предпріятіе», 11-го: «Нишіе духомъ», 12-го: «Накипь», 14-го, утромъ: бесплатный спектакль для воспитанниковъ столичныхъ учебныхъ заведеній: «Царь Борисъ», Вечеромъ: «Предѣлъ», «Счастливый день».

Михайловскій театръ. 8-го января: «Безприданница», 9-го: «Le beguin», Les précieuses ridicules», 10-го: «Волшебная сказка», 11-го: «Le beguin», «Les précieuses ridicules», 12-го: «Цѣна жизни», 13-го: Bénéfice de m-r Paul Remy, «La clarière», 14-го, утромъ: спектакль для учащейся молодежи: «Le jeu de l'amour et du hasard», «L'épreuve». Вечеромъ: «La clarière».

Маринскій театръ. 8-го января: «Лоэнгринъ», 9-го: «Тристанъ и Изольда», 10-го: «Лоэнгринъ», 11-го: «Дубровскій», 12-го: «Фра-Диаволо», 14-го, утромъ: «Юдишь». Вечеромъ «Раймонда».

О В Ъ Я В Л Е Н І Я.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 г.
на ежемѣсячный научно-литературный журналъ

КАВКАЗСКІЙ ВѢСТНИКЪ

(2-й годъ изданія).

издаваемый въ г. Тифлисѣ В. П. Коргановымъ, подъ редак-
торствомъ К. Н. Бѣгичева, по слѣдующей программѣ:

Условія подписки: Городскіе 3а годъ 9 р. за 6 мѣс. 5 р.
за 3 мѣс. 3 р. Иногородніе 3а годъ 10 р. за 6 мѣс. 6 р. за
3 мѣс. 3 р. 50 к. За-границу 3а годъ 12 р. за 6 мѣс. 7 р.
за 3 мѣс. 4 р.

За перемѣну адреса взимается 50 к.

За объявленія, помѣщаемыя въ книжкахъ журнала взи-
мается за цѣлую страницу 20 р., за 1/2 стр. 12 р., за 1/4 стр. 7 р.

Подписка на журналъ и объявленія принимаются въ Тиф-
лисѣ, въ конторѣ журнала „Кавказскій Вѣстникъ“, на Голо-
винскомъ пр. д. № 10 и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1901 г.
на литературную, политическую, общественную и
коммерческую газету

ВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ,

выходящую въ г. Казани ежедневно, кромѣ дней послѣ
праздничныхъ.

19-й годъ изданія.

Основная задача газеты:—возможно полное изученіе мѣст-
наго камско-волжскаго района и всестороннее представительство
его нуждъ и интересовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ городѣ безъ доставки: на 12
мѣс.—6 руб. 25 коп. съ доставкой: 7 руб. Иногородн. съ пе-
ресылкой: 9 руб.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: для
иногороднихъ при подпискѣ 3 руб., 1 апрѣля 3 руб., 1 іюля
3 руб., для городскихъ—2 руб., 1 марта 2 руб., 1 іюня 2 руб.,
и 1 августа 1 руб.

Всѣ новые годовые подписчики, подписавшіеся на 1901 г.
безъ разсрочки годовой подписной платы, получаютъ газету
бесплатно со дня подписки до 1-го января 1901 года.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1901 годъ

на литературно-политическую и общественную

КІЕВСКУЮ ГАЗЕТУ

(второй годъ изданія).

Программа газеты: 1) Правительственныя распоряженія. 2) Телеграммы Россійскаго и др. телеграфныхъ агентствъ, а также отъ собственныхъ корреспондентовъ. 3) Хроника текущей жизни: мѣстной, общерусской и заграничной. 4) Корреспонденціи русскія и заграничныя. 5) Отчеты о засѣданіяхъ городскихъ думъ, земскихъ собраній, разныхъ учреждений и частныхъ, и ученыхъ обществъ. 6) Отчеты о дѣлахъ, заслуживающихъ публичнаго вниманія. 7) Фельетоны беллетристическіе, научные и изъ общественной жизни, стихотворенія. 8) Библиографія. Обзоръ книгъ, журналовъ и газетъ съ выдержками изъ нихъ. 9) Театръ и искусство. Драматическія произведенія. 10) Шахматы, ребусы, игры, загадки и пр. Смѣсь. Отвѣты редакціи. Юристыческія разсказы, очерки, наброски, шутки, афоризмы, эпиграммы. 11) Торговое обозрѣніе и биржа. 12) Справочныя свѣдѣнія. 13) Портреты, рисунки къ тексту. 14) Стороннія извѣстія (рекламы). 15) Казенныя и частныя объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на 1 годъ—7 руб., на 6 мѣсяцевъ—4 руб., на 3 мѣсяца—2 руб. и на мѣсяць—75 коп. Годовые подписчики получаютъ газету съ 1-го номера. Адресъ главной конторы: г. Кіевъ, Фундуклеевская улица, домъ № 5 (гдѣ театръ Бергонье). Адресъ редакціи: Пушкѣвская ул. (Ново-Елизавет.), домъ № 11.

За редактора Н. Н. Федоровъ (Соловцовъ).

Издатель Н. Н. Федоровъ (Соловцовъ).

Я употребляю

НА ПОМОЩЬ ВОЛОСАМЪ!

Элеопать провизора КИНУНЕНА.

Рекомендуется какъ средство для волосъ, способствующее быстрому росту ихъ и уничтожающее головную перхоть.

Элеопать пр. Кинунена находится въ продажѣ 23 года и ежегоду расходится десятками тысячъ флаконовъ, что доказываетъ его несомнѣнную пользу волосамъ. Элеопать пр. Кинунена имѣется къ услугамъ публики во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Имперіи. Цѣна флакону 1 р. 50 к., 2 флакона высылаются почтою въ Европейскую Россію за 4 рубля.

Главный складъ: Разъѣзжая ул., № 13.

Адресъ для писемъ: „Складъ элеопата Кинуненъ“. № 3322. 30—18.

ПРИГЛАШЕНІЕ

служить въ товарищество въ Читѣ и Стрѣженскѣ драматич. арт. (драму). Нужны любовники, героиня. Водевильная, анжешу-драматикъ, ком. старуха, резонеръ, съ великаго поста по маймѣс. 1901 г. Адресъ: Чита. Артисту Манарову. № 3341.

НЕОБХОДИМО

для каждого суфлера и музыканта, ПОЛЕЗНО для всякаго читающаго! Складные, портативные, гигиеническіе и изящные попигры „Товарищества гигиенической мебели системы С. Акбровъ“, удостоенной самыхъ лестныхъ отзывовъ извѣстѣйшихъ медиковъ и педагоговъ. (См. „Нов. Вр.“ № 8571. „Рус. Вѣд.“ 63 м. 1900 г. „Россія“ 20 ф. 1900 г. Pedagogische Zeitung. seit 224; „Berliner Klinische Wochenschrift“ seit 68 и т. д.) Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к. Выписывать можно черезъ контору журнала „Театръ и Искусство“.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

Желающіе выписать наши изданія, благоволятъ обращаться непосредственно въ контору, во избѣжаніе задержки въ доставкѣ.

Отдѣльные оттиски пьесы

„ПОТЕМКИ ДУШИ“.

(Исторія болѣзни Пытцова), Ц. 2 рубля
(Пьеса удостоена преміи Литературно-Художественнаго Общества).

„РАБЫНИ ВЕСЕЛЬЯ“.

В. Протопопова, ц. 2 р. Ценз. экз. 5 руб.

„ФЛОРИЯ ТОСКА“

изв. др. В. САРДУ.

Репертуаръ Сары Бернаръ.

Переводъ Ѳ. Н. Латернера, Литографированное изданіе журнала „Театръ и Искусство“. Цѣна 2 рубля.

„БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ“.

Драматическія сцены въ 5-ти дѣйствіяхъ и 8-ми картинахъ (по роману Ѳ. М. Достоевскаго)

К. ДМИТРИЕВА.

Цѣна 2 руб.

Изданіе редакціи журнала „Театръ и Искусство“.

5 выпускъ словаря Сценическихъ дѣятелей (А. Б. В. Г. и Д.) 1 р. 50 коп. Высылаются наложеннымъ платежомъ.

„ТЕАТРЪ ПЕТЕРБУРГСКІЙ“

(бывшій Немецки, Офицерская ул., № 39).

Дирекція Е. А. Шабельской.

РЕПЕРТУАРЪ. Съ 7-го Января по 13-е Января 1901 г.

Воскресенье, 7-го Января: „Рабыни веселья“, ком. въ 4 дѣйств., соч. В. Протопопова. Понедѣльникъ, 8-го Января: „Свадьба Фигаро“. Вторникъ, 9-го Января: „Любови граница“, драма въ 5 дѣйств., соч. Гальма. Среда, 10-го Января. Бенефисъ управляющаго театромъ г. ИСАЕНКОВА, „Рабыни веселья“, ком. въ 4 дѣйств. соч. В. Протопопова. Четвергъ, 11-го Января: „Крещеніе Литвы“, историч. драма въ 5 дѣйств. и 6 карт., соч. А. А. Навроцкаго. Пятница, 12-го Января: „Рабыни веселья“, ком. въ 4 дѣйств. соч. В. Протопопова. Суббота, 13-го Января: „Любови граница“, др. въ 5 дѣйств. соч. Гальма.

Театръ „ФАРСЪ“

(бывш. Панаевскій, у Дворцоваго моста).

Дирекція А. М. Горинъ-Горайновъ и В. А. Казанскій.

Ежедневныя представленія.

Комедіи и фарсы.

ТЕАТРЪ бывшій КОНОНОВА

Французская оперетта.

Дирекція В. А. Немецки. Мойка, 61. Ежедневныя представленія.

СОСТАВЪ ТРУППЫ:

Въ 1-й разъ въ С.-Петербургѣ на гастроли приглашена: примадонна-этуаль: Г-жа В. КОСИТЪ. Премьеры: Гг. РЕНЬЯРЪ, ДОНКАНЪ, СЕМПРЕЙ. Артисты труппы: г-жи Огюста Пуже, Е. Стемми, К. Флери-Пилляръ, Бертей, Астрюкъ, Лиля Пенсонъ, Жанна Ламберъ, Модъ Дюрфе, Десмей, Лици, Люсиенна Оттъ-Жеанинъ, Сюсанна Несль и др. Гг. Пудрие, Монклеръ, Лари, Пакзъ, Фоль, Резень, Вланъ, Прать, Куртуа, Вайеръ, Дюваль, Фонтенъ и др.

Съ участіемъ Парижской примадонны

Г-жи КОСИТЪ

Въ Воскресенье, 7-го Янв. „Маскотта“, опер. въ 3 д. Въ Понед. 8-го „Елена прекрасная“, оп. въ 3 д. Во Вторникъ, 9-го, I. „Перикола“. II. Званный вечеръ съ итальянцами.

Ежедневныя представленія.

Гл. режиссеръ Г. Монклеръ.

Гл. Капельмейстеръ Э. Ф. Энгель.

Музыкальныя шкатулки

ФОРТУНА.

Звучный, пріятный тонъ.
Прочная конструкція.
Изящная отдѣлка.

Съ ручкой 6 р. Ноты по 25 к.
Заводныя въ 12, 18, 30, 50, 75,
100, 125, 150, 175, 200,
225, 250, 300 руб. и дор.
Ноты къ нимъ по 25, 30, 50, 90 коп., 1,
1 1/2, 2, 3 руб. и дороже.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ.

С.-Петербургъ, В. Морская, 34. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарына.
№ 2311 19—52.

№ 2314. 5—4.

800

названій траг., др., ком., вод., фарс. и опер. продаю за 200 рублей Г. Маріуполь, Екатер. г. И. Л. Шаповаловъ. Списокъ пьесъ высылаю за три семикопѣчныя марки.

№ 3340

ИСПОЛНЯЮ

заказы на дамскія и дѣтскія шляпы и на прочія confections очень скоро, дешево и крайне добросовѣстно. Имѣю парижскія модели, высылаю въ провинцію.

Мадамъ МАРСЕЛЬ.

Коломенская ул., д. 32.

НОВАЯ КНИГА

„ВЕСЕЛЫЕ ВЕЧЕРА“.

Сам. полный сборн. остроумныхъ куплетовъ. Репертуаръ популярныхъ куплетистовъ: Арбеннина, Влюменталь-Тамарина, Вранскаго, Бураковского, Каменскаго, Леопинова-Гуляева, Пальма, Шевченко и др. Съ портрет. исполнителей подъ редакціей

М. В. Лентовскаго и С. А. Пальма.

Ц. 1 рубль.

Выписывать можно изъ конторы журнала „Театръ и Искусство“.